

ААЛ-ГЫЗЛАР ДОВЛЕТ
ПЕДАГОГИКИ
ИНСТИТУТЫ
ОГОНЁК
№ 50 ДЕКАБРЬ 1957
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

О. Верейский. Иллюстрация к рассказу М. Шолохова «СУДЬБА ЧЕЛОВЕКА».

На первой странице обложки: Туркменская ССР. Студентки-выпускницы Педагогического института в городе Мары.
Фото М. Савина.

На последней странице обложки: Япония. Город рыбаков Мисаки. Рыбаки моют сейнер.
Фото Н. Козловского.

ОГОНЁК

№ 50 (1591) 8 ДЕКАБРЯ 1957

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

35-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

3 МИЛЛИАРДА В «КОМСОМОЛЬСКОЙ КОПИЛКЕ»

Вышел десятитысячный номер «Комсомольской правды». Этот юбилей радостно отмечают миллионы советских юношей и девушек, которые любят свою «Комсомолку» и гордятся ею.

Десять тысяч номеров — это живая летопись боевой истории Ленинского комсомола — верного помощника Коммунистической партии.

Каждым номером газеты талантливый, постоянно ищущий новое, трудолюбивый коллектив «Комсомолки» помогает партии воспитывать и поднимать на боевые дела миллионы молодых строителей коммунизма — людей упорных, сильных духом, не боящихся трудностей.

В эти дни на устах читателей «Комсомольской правды» не только цифра 10 тысяч, но и другая цифра: 3 миллиарда. Что она означает? Три миллиарда — это рубли, собранные молодежью в «комсомольскую копилку» во время похода за экономию и бережливость, похода, начатого по инициативе «Комсомольской правды».

Идею этого похода подхватили миллионы молодых советских тружеников. Из капель нефти, граммов металла, кубометров леса, сбереженных молодежью, составлены дополнительные эшелоны топлива, сделаны новые машины, построены жилые дома.

«Копилка» — одно из замечательных начинаний «Комсомольской правды», которых у нее было немало и впредь, конечно, будет еще больше.

Комсомольцы и молодежь свердловской фабрики «Уралобувь», участвуя в походе за бережливость, сэкономили материалов на сумму свыше трех миллионов рублей. Передовые бригадиры комсомольско-молодежных бригад закройщиков комсомолки Юлия Береснева (слева) и Маргарита Маханова награждены почетными грамотами и получили денежные премии. Руководимые ими бригады сэкономили столько юфти, что из нее можно пошить 16 566 пар сапог.

Фото И. Тюфякова.

→

180 000 рублей внесли в «комсомольскую копилку» за два последних месяца молодые рабочие московского машиностроительного завода «Борец».

«А резервы у нас еще есть!» — решили комсомольцы, подведя итоги за ноябрь.

На снимке: в комитете комсомола обсуждаются предложения по экономии на декабрь.

Фото Ю. Кривоносова.

ВЕЛИКИЙ ПРИЗЫВ К МИРУ

По всей нашей стране, по всем странам земного шара пронесся пламенный призыв коммунистов — Манифест мира, в котором представители более чем шестидесяти коммунистических и рабочих партий призывают человечество освободить мир от угрозы войны, смерти и уничтожения.

Мы помещаем снимок, сделанный в Ленинграде фотокорреспондентом Б. Уткиным. Вы видите, как в новом саду на Московском проспекте гуляют матери со своими детьми. Но вглядитесь в дом, что высится сзади. Он построен недавно. На его месте до войны был другой дом, разрушенный авиационной бомбой.

Теперь на месте развалин вырос новый дом, на пустыре появился сад для малышей.

И новый дом, и новый сад, и малыши, гуляющие в саду,— разве это не призыв к миру?

* * *

Гуляют по улицам наши дети,
И новые видят дома они.
Не знают ребята, что здания эти
Воздвигнуты нами в недавние дни

На месте разрушенных канонадой,
Спаленных недоброй чужой рукой,
Когда у гордых стен Ленинграда
За Родину шел богатырский бой.

Они малыши, и нет в их памяти
Грозы, что прошла по путям страны...
Не знают еще они счета и грамоты...
Спасем же их навсегда от войны.

Гремят над планетой слова Манифеста —
Призыв коммунистов всех стран земли:
В борьбе за мир станем все вместе,
Чтоб годы войны никогда не пришли.

Виссарион САЯНОВ

Наша дружба

Каждый раз, когда я получаю и читаю журнал «Дружба», я вспоминаю своих друзей — китайских журналистов, которые там работают. Наше знакомство состоялось в начале этого года в Пекине, когда нас пригласили посетить редакцию газеты, выходившей тогда под тем же названием.

Сейчас редакция газеты объединилась с редакцией журнала «Народный Китай», и в результате объединения начал выходить еженедельный, богато иллюстрированный журнал «Дружба». Он сразу привлек внимание читателей ярким оформлением, статьями, очерками, рассказывающими об успехах КНР в политическом, экономическом и культурном строительстве.

В дни моих встреч в Пекине с китайскими товарищами, они показывали мне письма из Советского Союза. Писем было много. И каждое из них говорило об огромном интересе советских людей к народному Китаю. Были письма с просьбой рассказать о жизни, быте, о древней культуре китайского народа. Были письма благодарности за советы, полученные от китайских друзей...

Сейчас много таких писем получает редакция «Дружбы», журнала, завоевавшего за короткое время большую популярность в нашей стране.

Популярность эта, конечно, понятна: ведь журнал служит дальнейшему укреплению дружбы китайского и советского народов. Как же не подружиться с таким журналом!

Дм. БАЛЬТЕРМАНЦ

В читальне московского станкостроительного завода «Красный пролетарий» слесарь А. С. Полежаев (слева) и токарь А. С. Руненков читают журнал «Дружба».

Продажа журнала «Дружба» в московском магазине «Союзпечать» № 1.

Вокруг света

Альберт КАН

Письмо из США

Недели две назад мы поехали в Сан-Франциско посмотреть кинофильм «Вокруг света в восемьдесят дней». Нас было шестеро: моя мать, жена, трое наших сыновей и я. И все мы, начиная от младшего, десятилетнего мальчика, кончая бабушкой, которой исполнилось уже восемьдесят, были восхищены фильмом. Нас захватило живое действие, великолепные пейзажи дальних стран, мягкий юмор и яркость образов жюльверновского романа. Следя за событиями на экране, мы испытывали двойное удовольствие: мы твердо помнили, что за короткие часы, которые мы провели в кинотеатре, колесница, созданная руками человека, не один раз, а, пожалуй, дважды облетит вокруг Земли.

Современники Жюля Верна издевались над его предсказанием о том, что наступит день, когда вокруг света можно будет объехать не в 80 дней, а в 80 часов; и вот моя мать, которая была молодой женщиной в год смерти Жюля Верна, является свидетельницей того, что человек сумел сократить этот срок до нескольких десятков минут...

Я сидел в своем кабинете, дописывая последние страницы новой книги, когда до меня дошло известие о том, что рука человека впервые протянулась в космос. В кабинет, задыхаясь от быстрого бега, ворвалась жена. «Русские запустили спутник Земли! — воскликнула она.— Только что передали по радио!» Следующие сутки я только и делал, что сидел как прикованный у радиоприемника, не желая упустить ни одного сообщения.

Среди моих соотечественников есть, вероятно, такие, которые с неодобрением отнеслись бы к восторгу и радости, которые я выражал в этот день. Причина подобного отношения к факту запуска советского спутника Земли лежит в том, что первенство в решении этой величественной задачи принадлежит Советскому Союзу, а не Соединенным Штатам. Я позволю себе сказать, что не из-за недостатка патриотизма я радуюсь этому достижению, а потому, что, будучи американским гражданином, я в то же время ощущаю себя членом великой семьи человечества.

Мою гордость разделяют многие жители Соединенных Штатов. От одного побережья нашего континента до другого тысячи и тысячи людей стояли на улицах городов, у хижин, в безбрежных прериях, на склонах гор, стараясь отыскать в звездном пространстве след советской искусственной луны.

«В какое чудесное время мы живем!» — сказала мне одна женщина, верующая католичка.

Служащий бензинной заправочной станции выразился так: «Надо отдать должное этим русским: они умеют работать!»

«Я вот что скажу вам насчет этой собаки, летающей в небе,— заметил негр, шофер такси.— Теперь люди, может быть, поймут, что дело не в том, на каком океане ты живешь и какой у тебя цвет кожи. Надо, чтобы вот здесь было кое-что!» — И он выразительно постучал себя пальцем по лбу.

Такие мысли выражали не только «люди с улицы», но и выдающиеся американские ученые.

Элмар Хатчиссон, директор Американского института физики: «В России ученых и преподавателей уважают; молодежь обучают физике с пятого класса. Если мы не дадим нашей молодежи серьезного научного образования, это будет приговор нашему образу жизни».

Тревор Гарднер, бывший помощник министра авиации США: «Мы опоздали...»

Рэй Дженкинс, юрист военного ведомства: «Из-за интриг морского министерства в кулуарах конгресса... контракт на создание спутника отобрали у армии...»

Гарри Стайн, инженер, был уволен из фирмы Мартин и К° за следующее высказывание: «В России прислушиваются к людям с широким полетом мысли... Мы ж оказались чванными, задиристыми людьми и неподвижно сидели, довольные и ожиревшие, явно недооценивая Россию».

Фото из журнала «Лайф».

Нет возможности перечислить эти высказывания людей американской науки: их очень много, да они и известны советскому читателю.

Что касается наиболее влиятельных кругов США, то — увы! — их отклик на появление в пространстве советских «лун» был окрашен отнюдь не чувством восхищения.

Заговорили конгрессмены: потребовали «расследования вопроса, почему США проиграли России». Густо полетели взаимные обвинения. Сенатор Стюарт Саймингтон, член демократической партии, объявил республиканцев виновными в том, что они «допустили такую угрозу, как советские спутники». Конгрессмены-республиканцы не остались в долгу и предъявили аналогичное обвинение... бывшему президенту Трумэну и демократической партии в целом. Представители армии стали объяснять отсутствие американского спутника тем, что контракты на его создание были заключены с морским ведомством; высшие чины морских сил отвечали, что они уже давно создали бы спутник, если бы не «фаворитизм» правительства в отношении армии; а воздушные силы воспользовались случаем, чтобы обругать и армию и флот.

«Вашингтон,— писал журналист Трайс Кофин,— выпучил глаза и поднял брови, у него вид человека, ударившегося лбом о стену... Триумф русских разрушает тот образ мышления, который США экспортировали на все континенты: что, мол, русские безграмотны в области механики и не умеют толком закрепить болт, что только американская свобода предпринимательства обеспечивает инициативу научной мысли, а коммунистическая система-де связывает ее по рукам и ногам...»

Неожиданный шок, столь образно описанный журналистом Кофином, вызывает невольное сравнение с приемом, применяемым иногда психиатрами: они вызывают у пациента резкое потрясение, чтобы помочь ему вернуться в мир реальности. Однако есть и случаи неисправимого бредового состояния. Упомянем хотя бы адмирала Роусона Беннетта, заслужившего печальную славу своим заявлением, что спутник — «это кусок железа, который всякий может запустить в мировое пространство». Сюда же относится и Клэренс Рэндолл, один из советников президента, охарактеризовавший советский спутник как... «простую безделушку... игрушку в небе». Один деятель из города Хьюстона, штат Техас, потребовал срочного принятия постановления, по которому «пролет русских спутников над Хьюстоном был бы запрещен, как нарушающий закон»...

Выявилась, однако, и еще одна форма истерического возбуждения, вызванного появлением в небе советских спутников. Это возбуждение граничит с радостью, но отнюдь не по поводу великого подвига советской науки. В некоторых кругах потирают руки, предвкушая... новые прибыли, которые может принести этот подвиг. «Сан-Франциско кроникл» писала в передовой статье: «Русские спутники могут вызвать финансовый бум», поскольку «факт их запуска обещает новые ассигнования на вооружение. А если это так,— продолжает газета,— то биржевые деятели законно ожидают, что акции должны будут подняться в весьма широком масштабе».

В этих словах — квинтэссенция капиталистической веры. Какое бы великое открытие ни совершила наука, оно переводится на язык профита, обогащения немногих за счет миллионов. Весьма типична помещенная в журнале «Лайф» статья, где проводится такая мысль, что существование искусственных спутников Земли открывает возможность... «более точно определять расстояние между континентами» и «намечать точные цели, которые могут быть поражены межконтинентальными снарядами».

В статье, озаглавленной «Почему США проиграли скачку», профессор Фарнес пишет: «Эксперименты братьев Райт над аэродинамическими силами привели к эре бомбардировщиков и управляемых снарядов... Из глубоких исследований Ганса Бете о природе энергии солнца родилась водородная бомба». Просто удивительно наблюдать, как работает мозг этого ученого мужа, расценивая величайшие завоевания мировой науки по степени их разрушительной силы!

Мало чем отличались от рассуждений профессора Фарнеса и те заявления, которые последовали из недр Белого дома. Было, в частности, доведено до всеобщего сведения, что появление советских спутников привело к учреждению должности... «царя», обладающего всей полнотой власти в деле создания американских ракет дальнего действия. Как не отметить по этому поводу, что советские люди именно потому и сумели запустить своих спутников, что сорок лет назад вышвырнули за дверь и царя и всех самодержцев от капитала!

Служба информации США поспешила разослать секретную инструкцию всем агентствам печати: «Излагайте сообщения таким образом, чтобы широкая публика не расценивала событие, как доказательство советского приоритета в области науки». Легче было сделать это указание, чем добиться его выполнения. Несмотря на запрет, печать запестрела статьями о том, как Советский Союз обогнал Соединенные Штаты в различных областях теоретической и прикладной науки и особенно в подготовке высококвалифицированных научных работников и инженеров.

Советские спутники — великое достижение социализма — знаменуют победу освобожденного Человека. Бороздящие звездное пространство небесные тела, созданные его руками,— символ неисчерпаемости сил и способностей человечества. Верно сказал старик Шекспир: «Что за создание — Человек!»

ТУТ ЖИВУТ ВЕТЕРАНЫ ТРУДА

Ветераны труда комбината Трехгорной мануфактуры ткачиха Мария Яковлевна Черкасова (слева) и складальщица ситценабивной фабрики Евдокия Васильевна Савина.

Воскресный зимний день в Москве. После шумных улиц и площадей особенно тихим и спокойным кажется этот маленький Трехгорный переулок на Пресне. Толкните деревянную калитку — и вы очутитесь в доме, где живут ветераны труда комбината Трехгорной мануфактуры.

Ткачихи, прядильщицы, отбельщицы, складальщицы... Каждая из них давным-давно начала свою рабочую жизнь — и все вместе — а их сорок человек — отдали своей фабрике свыше полутора тысяч лет труда. И сейчас, когда к ним пришла старость, одна из основных статей советской Конституции обеспечила им спокойный и заслуженный отдых.

В этот домик на Трехгорной часто приходят гости. Самые близкие друзья старых работниц — молодая смена Красной Пресни, школьники. Они помогали посадить за домиком небольшой сад. И весной расцветают у стен дома яблоневые и вишневые деревья.

С. ФРИДЛЯНД

Новая руставская печь

Молодой сталевар Ш. Геловани (справа) и начальник смены Д. Тагаури у новой, восьмой мартеновской печи.

Фото Р. Марчиладзе.

В апреле 1950 года сталевары первой руставской печи выдали свою первую плавку. Закавказской стали скоро исполнится восемь лет. И каждый год над крышей мартеновского цеха Закавказского металлургического завода прибавляется по одной трубе. Это встают в строй новые печи.

Недавно руставцы построили новую, восьмую печь, оснащенную совершенными автоматическими приборами.

И. МЕСХИ

ПЕРВЫЙ В КИТАЕ

Есть в Северном Китае город Шицзячжуан, а в нем совсем молодая улица — улица Мира. Недавно с улицы Мира пришло сообщение в Москву, на улицу Первомайскую, где находится проектный институт «Гипроспиртвино»: первый в Китае механизированный кукурузно-крахмальный завод, вступивший в строй, быстро и уверенно достиг проектной мощности!

Для работников проектного института это было очень приятное известие: ведь завод «родился» здесь, на Первомайской. Отсюда ушли в Китай чертежи, по которым китайские товарищи возвели светлые корпуса завода для переработки кукурузы. Возвели умело и быстро: всего за один год и десять месяцев, применив сборный железобетон. На территории в семь гектаров возникли главный корпус, один большой элеватор и еще два его «младших брата» и другие сооружения.

Кстати, о большом элеваторе: это первый в Китае крупный зерновой элеватор. Строился он новым для Китая методом — в подвижной опалубке. В институте мы узнали: отклонение осей огромных железобетонных банок элеватора (всего их двадцать четыре) составляло лишь 2—3 миллиметра. Ювелирная работа!

Директор проектного института «Гипроспиртвино» Л. И. Лосик рассказала:

— Мы очень рады, что в технической помощи Китаю есть и наш скромный вклад. Новое предприятие возведено в северо-восточном районе города Шицзячжуана. Основное оборудование сделано в Тамбове, Горьком, Чирчике, Бердичеве, Сумах, Мелитополе и других городах Советского Союза.

Завод рассчитан на переработку 30 тысяч тонн кукурузы в год. Иными словами, каждые сутки нужно подавать в цехи почти сто тонн. Значит, нужен и хороший запас кукурузы, о чем не забыли наши проектировщики: основная «кладовая» — большой элеватор — вмещает 17 тысяч тонн зерна.

На этом производстве нет отходов. Технология настолько совершенна, что все так называемые отходы превращаются в полезные продукты. Какое же оно богатое, кукурузное зернышко! Из него получают и сухой крахмал, и пищевую и медицинскую глюкозу, и сухие корма, и масло, и экстракт для пенициллинового производства, и гидрол для кожевенной и медицинской промышленности.

Часть продукта с кукурузно-крахмального завода пойдет и на соседнее, пока еще строящееся предприятие. Оно спроектировано «Гипромедпромом» и будет выпускать антибиотики.

В. ВАСИЛЬЕВ

Так выглядел проект кукурузно-крахмального завода.

Литые дома

— Вы слышали когда-либо о литых домах? Обязательно поинтересуйтесь. У нас уже начали отливать жилые дома. Не удивляйтесь, именно отливать. В специальных металлических формах. Одна форма сразу на целый дом. Быстро, дешево и удобно. Посмотрите сами, а потом поговорите с Иваном Еремеевичем Чернядьевым, главным архитектором города. Он энтузиаст этого дела,— посоветовали нам в Челябинском горкоме партии.

И вот мы в Ленинском районе города. За короткое время здесь возник целый поселок из белоснежных небольших домов, на две квартиры каждый.

— Вот видите этот крайний дом, без крыши? Вчера его еще не было. На этом месте мы начинали сборку щитовой металлической опалубки. С ее помощью за три дня отлили стены трех таких домов...

Начальник строительного участка Виктор Иванов с гордостью показывает свое небольшое и на первый взгляд совсем нехитрое хозяйство: автопогрузчик, бетономешалку, два автокрана и, конечно, передвижную универсальную металлическую опалубку, которая «отливает жилье».

...Несколько рабочих с помощью автокрана быстро завершают монтаж стальных щитов, и вот уже готова металлическая «форма» с дверными и оконными проемами. Между параллельными щитами пустота. Сюда заливают раствор шлакобетона, затем щиты снимаются, и наружные стены, комнатные перегородки нового двухквартирного дома готовы. На всю эту работу бригаде из пяти рабочих потребовалось три смены: восемь часов на сборку металлической опалубки и шестнадцать часов на заливку.

Главный архитектор города И. Е. Чернядьев рассказывает:

— Дело движется. Сейчас договорились с директором ЧТЗ. Завод взялся сделать пять универсальных металлических опалубок на двухэтажные дома. Это позволит строить не менее двухсот домов в год — почти тысячу шестьсот удобных и дешевых квартир.

— Каково преимущество литых домов? — спросили мы.

— Во-первых, быстрота сооружения. Коробка дома возводится за одни сутки. Во-вторых, дешевизна. Расчеты показали, что стоимость одного квадратного метра такого же типа домов в Челябинске равна в среднем 1 700 рублям, а стоимость квадратного метра жилья в литых домах — 1 100 рублям, включая благоустройство.

— Три года назад в Челябинске было построено всего 24 шлаколитых дома, причем вместо металлической применялась деревянная опалубка. В 1957 году в городе строится полторы тысячи литых домов-коттеджей на одну — две квартиры. Сейчас разрабатываются чертежи металлических опалубок (форм) для литья двухэтажных домов на восемь и шестнадцать квартир.

А. ГРИГОРЬЕВ

Сначала монтируется металлическая «форма» дома.

Шлаколитые дома в Челябинске.

Солидарность крепнет

В конце декабря в Каире состоится Международная конференция солидарности стран Азии и Африки. Повсюду на обоих континентах идет подготовка к этому важному событию в жизни народов, вставших на путь завоевания и утверждения своей национальной независимости, решительного отстаивания дела мира.

Подготовительный комитет по созыву этой конференции собрался в октябре в столице Республики Египет. Делегаты из азиатских и африканских стран единодушно подчеркивали необходимость дальнейшего сплочения всех народов в борьбе за мир, против колониализма и империализма. Председатель Подготовительного комитета представитель Египта Анвар Садат сказал, что в наши дни «народы Азии и Африки представляют новую силу, направляющую свою деятельность не на достижение военных целей, а на установление мира и безопасности во всем мире».

С поддержкой идеи созыва Международной конференции солидарности стран Азии и Африки выступили представители Китайской Народной Республики, Индии, Алжира и других стран. Советский представитель ректор Туркменского государственного университета П. Азимов выразил надежду, что предстоящая конференция представителей общественности стран Азии и Африки выльется в демонстрацию дружбы, солидарности и неуклонной решимости народов до конца бороться против колониализма, за мир и счастье всего человечества.

Подготовительный комитет принял Призыв к народам Азии и Африки, в котором подчеркнул, что народы Азии и Африки больше никогда не будут беспомощными зрителями при решении их судьбы. «Они полны решимости,— говорится в этом документе,— активно участвовать в разрешении всех проблем, с которыми сталкивается сегодня человечество...»

В повестку дня предстоящей конференции включены важнейшие вопросы современности, такие, как поддержка прав народов на независимость и суверенитет, запрещение использования и испытания ядерного оружия, расовая дискриминация, война в Алжире и другие.

По решению Подготовительного комитета с 1 декабря в странах Азии и Африки проводится неделя солидарности народов и их сотрудничества в политической, общественной и культурной областях.

Во время приема членов Подготовительного комитета президентом Республики Египет Гамаль Абдель Насером он сказал: «Я приветствую благородные идеи, во имя которых вы собрались здесь, а именно солидарность народов Африки и Азии ради блага человечества и сотрудничества, ради свободы и славы».

Народы азиатских и африканских стран, представляющие три четверти населения земли, ждут, что предстоящая конференция, как в свое время конференция в Бандунге, будет крупным вкладом в дело борьбы человечества за мир, против колониализма и империализма.

Ю. НОВГОРОДСКИЙ

Дар югославских коммунистов

Скульптура «Призыв к восстанию» в одном из залов Музея революции.

Фото Р. Лихач.

В дни вооруженной борьбы югославского народа против фашистских оккупантов враги схватили одного из активных борцов за освобождение Югославии, коммуниста-рабочего Стевана Филиповича. Патриот был приговорен к смертной казни. В городе Валеве оккупанты согнали на площадь большую толпу жителей и заставили их присутствовать при расправе. Стеван Филипович до последней секунды жизни оставался героем. Уже с петлей на шее он призывал народ к мести, прославляя грядущую победу.

Сохранилась фотография этого события, происшедшего в 1941 году. Она вдохновила югославского скульптора Бакича на создание образа героя. Свое произведение он назвал «Призыв к восстанию».

Эту скульптуру можно видеть теперь в одном из залов Государственного Музея революции в Москве. Она подарена Центральным Комитетом Союза коммунистов Югославии Центральному Комитету Коммунистической партии Советского Союза. Передавая этот дар, член югославской делегации на праздновании 40-летия Октября Александр Ранкович сказал:

«Пусть этот скромный подарок... напоминает о неразрывных связях нашей революции с Великой Октябрьской революцией, которая послужила народам Югославии, как и всем другим народам, основной опорой в их революционной борьбе.

...Пусть и впредь идеи Великого Октября, которые в прошлом вдохновляли наши народы в их победоносной революционной и освободительной борьбе, служат основой нерушимой и прочной дружбы в наших взаимоотношениях и в нашей совместной борьбе за социализм, за мир и прогресс во всем мире».

Памятник в Карловых Варах

К 40-летию Великой Октябрьской революции на прославленном чехословацком курорте Карловы Вары открыт памятник основоположнику научного коммунизма Карлу Марксу. Бронзовый бюст вождя трудящихся мирового пролетариата установлен на постаменте из красного мрамора.

С Карловыми Варами связан важный период в жизни Маркса. Здесь он несколько раз лечился, здесь работал над рукописью второго тома «Капитала». Трудящиеся Карловых Вар бережно хранят все, что связано с пребыванием здесь гения революционной мысли. В городе организуется музей Карла Маркса.

М. ПОСТОЛОВСКИЙ

Фото автора.

Карловы Вары, ноябрь.

ЮБИЛЕЙ ИСЛАНДСКОГО ПОЭТА

28 ноября во Всесоюзном обществе культурной связи с заграницей состоялся вечер, посвященный 150-летию со дня рождения классика исландской литературы, национального поэта Исландии Йонаса Халлгримссона. С докладом о жизни и творчестве Йонаса Халлгримссона выступил кандидат филологических наук В. Берков.

На вечере присутствовал Чрезвычайный и Полномочный Посол Исландии в СССР г-н Пьетур Торстейнссон. Член правления ВОКСа П. Макарцев передал представителю Всесоюзной библиотеки СССР имени В. И. Ленина собрание сочинений Й. Халлгримссона, присланное в Советский Союз обществом «Исландия — СССР».

Фото Е. Умнова.

ЧИТАТЕЛЬСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

На трибуне А. Г. Носков, член партии с 1913 года.

В зале.

29 ноября во Дворце культуры имени Горького (Москва) состоялась встреча редакции журнала «Огонек» с читателями.

Выступавшие товарищи Круговая, Носков, Сергеева, Рукина, Ченцова, Молчанов, Григорьев и другие высказали критические замечания и пожелания журналу «Огонек».

БАШЛЫК

Мария БЕЛКИНА

Фото М. Савина.

— Ну вот, пропал! — засмеялся Курбандурды Атамурадов, знакомясь со мной. — Придется каждый день бриться! А то напишет: башлык старый, на свалку пора!..

Башлык — по-туркменски председатель.

Я запротестовала. Какой же он старый! Больше пятидесяти не дашь, хотя в моих записях значилось, что ему уже около семидесяти. Мы искали его по бригадам, объездили все харманы, а он был тут, ходил вокруг грузовика, груженного капустой, и, задрав вверх голову, отпускал веселые шутки. А старики-бородачи, сидя на капусте, трясли от смеха своими огромными бараньими шапками.

Халаты, подпоясанные кушаками, белые бороды. Бороды здесь отращивают особым манером. Они только обрамляют лицо. Смолоду на щеках и на подбородке не бреют щетину, а выщипывают изо дня в день, по волоску.

— Кто старей — я или они? — спросил башлык, закрывая руками мясистые щеки. Он, видно, никогда не интересовался своей наружностью, и щетина у него росла где могла. — Я хитрый, старость обманываю! Туркмен, знаешь, старым не бывает. Хоть девяносто лет, все молодой! Борода — что, для почета носят! Вот жених, видала?

Председатель колхоза «Красный Октябрь» Курбандурды Атамурадов.

И он показал палкой на старика, который сидел на самом верху, на кочнах, очень прямой, стройный, в бараньей шапке до неба, с огромным рыхлым носом, свисавшим грушей, с орлиным взглядом и белоснежной бородой, лежавшей под коричневым подбородком, — семьдесят лет, овдовел, жену ищет, тридцать — сорок лет, старше не надо!..

Старики засмеялись, а тот, о ком говорилось, только повел бровями и покрутил кончик уса. Усы опять же старики стригут особым манером: очень коротко, только в уголках губ оставляют кисточки. Башлык еще пошумел, и грузовик тронулся.

— Из района звонили, заморозков ночью ждут, — сказал он. — Надо с огорода вывезти, стариков мобилизовал, все на хлопке... Это старая молодая гвардия, в колхоз вместе вступали 15 октября 1927 года, тридцать лет прошло. Октябрю — сорок, нам — тридцать...

И он замолчал и даже глаза прикрыл, словно меня и не было. «Пиала, пиала...» — затянул он какую-то песенку, постукивая палкой. Я потом привыкла к этой его манере. Он мог оборвать разговор на самом интересном месте и уйти, заняться каким-нибудь делом, а потом, столь же неожиданно, вспомнить и закончить разговор.

— Ну, коль в гости приехала, пошли чай пить! — сказал башлык, прерывая свое пение.

Я отказалась: только что пила чай в одной бригаде. Он не стал уговаривать, повернулся и пошел по дорожке, просунув палку за спину между локтями. Пошел какой-то неуверенной, валкой походкой. Он был невысок ростом, грузен, коренаст, с толстой шеей, на которую из-под каракулевой шапки с кожаным дном съехала тюбетейка. Шапки, вроде ушанок, только сильно расширенные кверху, называют тут шампанами.

— Ну ты как хочешь, а я пошел пить чай! — крикнул он, не оборачиваясь.

Пришлось подчиниться. Здесь пить чай обязательно, куда ни придешь, — на колодец, в контору. Зеленый чай — это только так, для затравки, пока барашка колют или индюка режут.

За кустами стоял «ГАЗ» башлыка, он нас и повез по поселку. Узенькие, кривые улочки. Дома, низкорослые, плоскокрышие, лепятся один к другому, глиняные заборы, дувалы — все под цвет земли, все сделано из нее. И печи для хлеба из того же материала стоят прямо на улице перед домами, как конусы, у которых срезан верх.

Стреноженный осел упрямо дергает колючку. Тут же из какого-то непонятного сооружения, слепленного из фанеры и земли, выползает неуклюжий, как-то не к месту оказавшийся «ЗИМ». Кажется, что вот он сейчас повернется и врежется в дом, а передним крылом заденет кибитку, и они рассыплются, только пыль поднимется столбом. Но к «ЗИМу» здесь уже привыкли, как к ослу, как к верблюду. В «ЗИМ» садится Анна́, жена Мухи́ Розыева.

Башлык останавливает машину — у него есть дело к Мухи́. Мухи́ едет в район. Его туда вызвали. Он одет франтом: весь в сером коверкоте. Ему тридцать лет. Он копает колодцы в песках, бригадир. Все семнадцать колодцев колхоза «Красный Октябрь» выкопала его бригада. А Анна́ собирает хлопок. Я потом видела ее каждое утро, как она ехала на осле в поле — иначе туда не проедешь, — била пятками в бока упрямого животного, а ее длинные черные косы, обвешанные монетами и ключами от комода, хлопали ослика по спине.

Есть в поселке и широкие улицы — это уже новая планировка. Есть и дом с колонной и арками — его поставила себе бригадир Айлар Курбанова. А то вдруг рядом с домом торчит какая-то сторожевая башенка в два этажа.

— Индивидуальная ванна, — поясняет башлык. — На первом этаже ванна с колонкой, на втором — бак с водой...

...— Тебе, небось, знать надо, как было, как стало, туда-сюда, понимаю, — говорил башлык, усаживаясь на ковре в своей комнате, кряхтя и руками помогая негнущимся коротким ногам принять нужное положение.

На капусте старики сидели. Видала? Мы первые были, колхоз организовали. По уставу восемнадцать надо было, меньше нельзя, а нас шесть! Мы туда-сюда, ночью, днем по домам ходили, чай пили, агитировали... Давай, давай!..

Последнее относилось уже к сыну и внуку, молодым людям, из которых внук был старше. Они сняли у порога туфли и вошли, держа в одной руке фарфоровые чайники, в другой — пиалы. Хотя во дворе было полно женщин, но по старому обычаю на стол подавали младшие в доме мужчины. Вернее, не на стол, на ковер. Стол, как дань европейскому образу жизни, задвинут в угол. Обстановка в комнате та же, что и в любом доме. С тем же необходимым набором предметов: никелированная кровать, радиоприемник, швейная машина, велосипед, включая еще и холодильник «ЗИЛ» в тесных сенцах.

— Пятнадцатого октября 1927 года первое собрание было около разрушенного кеппе. Все село собралось, — продолжал башлык. — Что такое кеппе, не знаешь? Раньше в селе домов не было. Это все после строили. Теперь дом — три — четыре комнаты. Раньше в кибитках жили. Кибитка дорого стоила. Кошма нужна покрывать кибитку, а то холодно будет. Совсем бедный не мог кибитку иметь, кеппе делал из земли. Собачью конуру знаешь? Чуть больше. Видела, к селу подъезжала, развалины? Свой Мерв!..[1] Семнадцать человек только записались в колхоз! Другие не поверили, темные были... Название дали — «Красный Октябрь». Меня председателем, башлыком, выбрали... Объединили — земля, вода, руки, башка, — перечислял он по пальцам. — Когда руки есть, башка есть — человеку хорошо, артели мало. Как начинать? Государство помогло. «Фордзон» дали один, трактор. Тысячу рублей. Шестьдесят гектаров хлопчатника посеяли... Так и начали! Теперь 1 300 гектаров под хлопчатник засеваем. В долг начали. Теперь девятнадцать миллионов неделимого фонда...

---

[1] Мерв — развалины древнего города около Байрам-Али.

Ну, дальше сама пиши: вода, трава, птички...

Ему, видно, надоело рассказывать все это: недавно отмечался юбилей колхоза. Башлык отставил чайник, перевалился на бок, поднялся и в одних носках вышел во двор. Во дворе кто-то ждал, и оттуда донесся его громкий голос, который то и дело взлетал на такие высокие ноты, что, казалось, сейчас оборвется.

Этот голос, как будильник, поднимает весь дом, когда еще на улице темно, когда небо еще только становится зеленоватым, а месяц призрачно бел. Голос уже раздается за арыком, по дорожке к гаражу, где при свете фар заводятся моторы. И башлык накоротке, чтобы не терять времени, каждому дает поручение: что надо узнать на колодце, что передать заведующему фермой в песках, куда заехать в районе. Тем шоферам, что особенно лихи или малоопытны, тем, кто едет в город, он еще дополнительно прочтет лекцию о правилах уличного движения.

— Профилактика! — подмигивает он мне.

Все говорится с шутками, прибаутками. Где появляется башлык, сразу смех. Но если кто проштрафился, тому от этих шуток и смеха не поздоровится...

А по дороге на осликах, на мотоциклах, на грузовиках уже едут в поле. Уже появились велосипедисты — девчонки в туркменских платьях с портфелями, мальчишки,— едут в райцентр, в школу. А навстречу бежит детвора в ту школу, что на селе. Уже последняя машина выкатила из ворот гаража, только красная, пожарная, осталась на месте. Уже солнце поднялось, ленивое, нехотя. Уже на дворе башлыка под старым талом у арыка запыхтел могучий самовар, и около него выстроилась кавалькада пузатых чайников.

Башлык никогда не приходит один. Он не сидит в правлении, он всегда на ногах, на колесах. Сейчас напьется чаю, и на весь день, до вечера, ищи его! И все, у кого к нему дело, находят его в этот час.

— Башлычок пришел! — кричит из кибитки, где у нее кладовая, Биби, его жена.

Про нее не скажешь — старая! Да и какое старая, когда ее последней дочке семь лет. Дочка эта, она почти ровесница внучке Биби— Майке. Биби—первая женщина на селе, которая еще в тридцатых годах сняла борык и яшмак. Правда, башлык говорит, что с тех пор у нее характер сильно испортился. У него, наверное, есть основание жаловаться. А Биби говорит, что это она характером заразилась от него.

«Башлычком» Биби называет мужа, когда у нее хорошее настроение. С утра оно было хорошее, но башлык сказал: «Едут гости из Ашхабада»,— и она раскричалась. Биби гостеприимна, она не против гостей, но у нее были свои планы. Она хотела ехать на хлопок. Все уедут, все уйдут на работу, а она сиди одна дома, лепи пельмени. А тут еще входит во двор Айлар, бригадир. Молодая красивая женщина, Герой Социалистического Труда. Башлык тоже недавно получил Героя.

— Ты что думаешь, я не могла быть бригадиром? Не могла в люди выйти? Я бы все могла! Да вот с этим башлыком... Дети, гости, сиди, дом стереги...

Непесли Мурадов любит рассказывать о гражданской войне...

На школьном дворе.

Биби сердито выговаривает башлыку по-туркменски, и голос у нее так же взлетает ввысь, как и у него, когда он сердится. А башлык сидит на солнышке, на нарах, которые в жаркое время на колесиках передвигают в тень — днем на них едят, ночью спят, — прикрыл глаза, выключился, поет: «Пиалà, пиалà».

— Знаешь, какую песню пою?— говорит он мне.— О туркменской девушке пою. Хорошей туркменской женщине. Тихая, ласковая, глаз не поднимет. Из ее рук пиалу чая выпить...

Биби идет к самовару и сердито стучит чайниками, наливая в них чай. В гостиной уже человек десять, всем дело до башлыка. На жилой половине — невестки, внуки, мачеха Амантечь. Тут и двадцати чайников не хватит! Амантечь и Биби почти однолетки. Мачехе было восемь лет, когда ее продали отцу Биби. В одиннадцать она стала женой. Когда Биби вышла замуж за башлыка, у того не было денег, чтобы ее сразу выкупить. Отец оставил Биби у себя, и башлык потихоньку пробирался к ней ночью, вызывал на свидание. Башлык рассказывал, как он один раз перепутал Биби с мачехой. Пробрался к кибитке ночью, полог приподнял: на женской половине две женщины спят, четыре голых ступни торчат. Которая Биби? Потянул за ноги, решил — эта Биби. Она вышла за кибитку, он ее в охапку: «Биби, милая!» А она его по щекам. Амантечь оказалась. Но мужу не сказала, а Биби позвала. «Формалист не была»...

Уже все разошлись. Уже внуки и маленькая Аня, дочь башлыка, убежали в детский сад. Уже посреди двора стоит «ГАЗ» башлы-

Колхозная электростанция.

Директор школы Огуль-Курбан Атамурадова.

ка. Уже башлык заканчивает разговор со своим заместителем Чары Бабаевым, кстати сказать, поэтом по совместительству. Его стихи печатаются в колхозной газете. Не стенной — настоящей газете. Ее печатают в районной типографии — тираж тысяча экземпляров!..

Вдруг по двору, закрываясь яшмаком, прошмыгнула молоденькая невестка башлыка. Она прибежала из детского сада, где работает, покормить грудью малыша.

И опять у нас возник с башлыком разговор о яшмаке. Я никак не могу понять: в такой передовой семье — и вдруг яшмак? Биби еще в тридцатых годах с этим покончила. Одна дочь — директор школы, образованный, культурный человек, лишенный всяких предрассудков, депутат райисполкома. Отец ее очень любит, гордится ею, да и есть чем гордиться! Другая дочь на дирижера учится в Ашхабаде. Сын — заслуженный врач республики, главный ветврач района. Остальные дети кончают десятилетку, даже внук уже с образованием, а невестка в яшмаке! Между прочим, она тоже окончила школу, она внучка знаменитого в Туркмении председателя колхоза Юсупова. Кто ее заставил надеть яшмак? Дед? Свекор? Муж, уходя в армию? Молчит, смеется. Снимет яшмак, покажется мне. «Так лучше?» — кокетничает. От нее ничего не добьешься. Башлык говорит:

— Демократия, кто как хочет...

— А по-моему, косность и равнодушие наше, рукой махнули!..— вспыхивает Огуль-Курбан, или, как ее просто зовут, Оля, директор школы. Она забежала за какой-то книгой. Когда она говорит с отцом, всегда потупляет взгляд. К ней это очень идет, она хороша собой. Но в голосе у нее нет покорности, и стычки у них с отцом бывают очень часто. Характер у них один: горячие оба, каждый на своем стоит. Конечно, он отец, но он и башлык, а башлык до сих пор новую школу не построил да и вообще мало школе уделяет внимания.

— Будь бы моя воля, — говорит дочь, — я бы все яшмаки сожгла, по селу ходила бы и штрафовала! Наш колхоз мог бы быть и в этом передовым, пример показывать!..

Мне комсомольцы на селе тоже жаловались, что их не поддерживают старшие. Вот если бы башлык захотел, если бы вмешался, его слово — это все. Яшмаков не стало бы.

— Башлык, башлык... — ворчит старик. — Поехали!

На селе ни души. Магазин закрыт. Кому покупать? Все на работе. Парикмахерская закрыта. Кому стричься? Даже нет детей на улице: старшие в школе, младшие в детском саду, а самых маленьких увезли в поле. На каждом хармане есть ясли.

Несется над пустым селом индийская песенка. Это Айдулды, монтер, повис на столбе, зацепившись кошками, чинит линию, поет.

— Свой Радж Капур! — смеется башлык. — Шалопай был, в пятом классе не хотел учиться. Думали, пропал парень, толку не будет! Ничего, кадр вышел...

И, повернувшись ко мне, говорит, возвращаясь к разговору, прерванному во дворе:

— Сорок лет — много лет. Человек родился, человек помер, все отжил... А народ? Народ сколько живет? Сто лет, двести лет, тысячу лет! Сорок лет мало. Сразу все не сделаешь! Много сделали, не все сделали...

Есть, конечно, доля правды и в этом, но я все же на стороне молодежи: башлык мог бы в этом помочь, да почему-то не помогает, а жаль!

Мы уже давно за селом. Мягкая, пыльная дорога, арык уходит куда-то в глубь хлопковых полей, и его накрывают от солнца тал и шелковица. Башлык вдруг останавливает машину и требует лопату. Шофер сам делает из земли плотинку и перегораживает ручей, что просочился от арыка и побежал на пустую землю, на распаханный песок. Разве у нас на севере обратил бы кто внимание на такое? Ну, и пускай бежит себе ручеек! А тут вода... Из-за нее раньше убивали друг друга...

Мы идем дальше пешком по дороге, и башлык каждый раз, завидя в пыли клочок хлопка, нагибается и поднимает его. В селе всюду — на заборах, на стенах харманов — написано мелом: «Ни одного грамма хлопка не потеряем!» Башлыку трудно нагибаться, каждый раз кажется, что вот сейчас он потеряет равновесие. Я стараюсь его опережать.

— Ничего, — говорит он, — это гимнастика, полезно. У меня немного удар был, мало около сердца прошел, а то бы конец...

Вокруг все поля, все хлопок! Это хлопок особый, тонковолокнистый. Его родина здесь, в Мургабском оазисе. Это здешние селекционеры его вывели!

На харман уже свозят хлопок, уже трещит сушилка, и первый хлопок, еще собранный на рассвете, еще влажный от росы, сохнет на решетчатых щитах. Уже упаковывают хлопок в огромные мешки, почти в рост человека, уже грузят мешки на машины, и машины отправляются в район на базу. А башлык побыл на одном хармане и — на другой, на третий. В колхозе пятнадцать бригад. Где застанет его полдень? На хармане, на ферме, на колодце или на коше, где подпасок готовит обед для пастухов. Башлык закусит и задремлет от усталости, от жары, сидя тут же, облокотившись на подушку. Он не любит, когда это замечают. Он не заснул, он просто закрыл глаза и думал. И минут через пятнадцать уже раздается его голос, уже окликает шофера: «Давай, давай!» И снова крутят колеса, и так дотемна, до того, как солнце зайдет...

А солнце зашло — сразу ночь, без сумерек, без вечера, сразу опускается темь...

На селе открыта парикмахерская. Торгует магазин. Светит огромными окнами электростанция. У освещенного подъезда клуба, где четыре колонны подперли портик, уже появились первые любители кино. Башлык обижается: никто не входит в клуб, задрав голову, любуясь люстрами, разглядывая роспись (специально из Грузии приезжали художники расписывать), привыкли, словно клуб здесь стоит давным-давно. В бильярдной на красном сукне ставят пирамиду, и старик, подтянув на халате кушак, расправив бороду под подбородком, точным ударом загоняет в лузу шар, и его баранья шапка не слетает на стол.

А мимо клуба гудит запоздавшая машина, и еще один бригадир взбегает на крыльцо правления. В комнате уже полно народу, там сидит башлык и, навалившись грудью на стол, следит, как бухгалтер, совсем еще молодой человек в щеголеватой шапке-шампане, лихо стучит на счетах.

— Свой кадр, в Ашхабад посылали учиться, — говорит он мне, явно любуясь, как тот с виртуозной быстротой всеми пятью пальцами играет на костяшках.

И все, кто сидит в комнате, следят за этими пальцами, и все слушают сухой, четкий стук костяшек, даже те, кто разговаривает, кто читает газету, — ждут сводку! И из карманов то и дело появляется нас-кэди — табакерка из тыквы, выращенной в виде маленького графинчика, — и на ладонь высыпается нас — зеленый, мелко крошенный табак — и отправляется под язык.

— Сиди, разговор будет, — говорит башлык, не поворачиваясь, чуя спиной, что хотел уйти бригадир, сидевший на корточках у двери, тот самый, у которого мы были в полдень, у которого харман остался на ночь заваленный хлопком и хлопок стал мокрый, хоть выжимай.

— Директор лодырей! — ворчит башлык. — Самая отстающая бригада.

Вошел заместитель башлыка Чары Бабаев и положил на стол еще влажную стопку газет. Башлык, надев на нос очки, читает вслух стихотворение о лодыре. Бухгалтер кончил стучать на счетах. Башлык передает по телефону сводку в район...

— Из правления в кино пошли! — кричит телефонистка своей подружке.— Беги, скоро начнут!

Телефонистка — это справочное бюро по колхозу, она все знает...

А Непесли Мурадов, сторож, тот самый старик, которого я видела на кочнах капусты, что ищет жену, чтобы не старше сорока лет, тушит свет в правлении, запирает двери и садится на крыльце. Если к нему подсесть, он расскажет, как он в партию вступил в 1923 году, как с большевиками познакомился еще в русско-японскую войну... Расскажет, как был председателем аулсовета в гражданскую и как их, девять председателей, белые приговорили к расстрелу за то, что никто из их аулов не пошел в белую армию; как шестеро из них были расстреляны, а троих спас Кольцов из штаба белых, оказавшийся большевиком, и как он, Непесли, стал у него связным. Расскажет, что, когда он сидел в тюрьме, в другой тюрьме сидел комиссар Микоян, и как надсмотрщик, тоже большевик, сказал ему, что Микояну устраивают побег, достали туркменский халат, а шапки нет, и Непесли отдал свою.

Старик расскажет, как басмачи лютовали, как гонялись за башлыком. А башлык сидит в кино и в трудных местах помогает актерам переживать, сочувственно щелкает языком. Он никогда не пропустит ни одного фильма, как бы ни устал.

А когда все выходят из кино, башлык вдруг останавливается около колонны и, нагнувшись, ощупывает рукой свежеоштукатуренное место. Днем приезжал товарищ из района, осматривал и летний и зимний клубы, стал критиковать, что забор поставлен не там, где надо, слишком близко к подъезду, нет вида на клуб.

— Я, когда молодым был,—сказал он вдруг, обращаясь ко мне, — пастухом у бая работал... Мечтал — вот жениться бы, чаю выпить, и помирать тогда можно... О большем мечтать не умел...

И, увидев заведующего клубом, что-то сердито закричал ему по-туркменски. Кстати сказать, это был его внук Ашир. Башлык тыкал палкой на кусок отвалившейся с колонны штукатурки, а парень стоял красный, как девица, потупившись.

— Хозяин где? Где хозяин?..— кричал башлык.

Туркмения,
Марыйская область.

С покупкой домой.

ПО ТУРКМЕНИИ

Фото М. Савина.

Ашхабад. Проспект имени Сталина.

На Марыйском хлопкоочистительном заводе.

Колхозный рынок в городе Мары.

В песках Каракумов. На пастбище совхоза «Уч-аджи» приехал ветеринарный врач Торе Бабаев.

В полете

Рассказ

А. ШАРОВ

Рисунки Г. ЕПИШКИНА.

Токины считались хорошей семьей — дружной, материально обеспеченной — словом, «благополучной», но в действительности это было не совсем так.

Алексей Токин демобилизовался из армии уже на сороковом году жизни; болезненный, порядком раздражительный, он сразу столкнулся с обстоятельствами, которые требовали полной собранности.

Где было ее взять?

После демобилизации он вернулся ассистентом на прежнюю работу в Медицинский институт, познакомился с Верой Орловой, лаборанткой кафедры, женщиной моложе его на десять лет, и через месяц женился. Ему приходилось одновременно строить семью и вспоминать полузабытые знания — на ходу, мучительно страдая от то и дело совершаемых ошибок. Все сразу.

Он любил Веру, но «по-своему», как он выражался, усталый, охлажденный годами, а она требовала, да и не требовала, а просто не могла жить без обычной любви, когда любящий человек не забывает купить цветы ко дню рождения и сказать вечером хоть несколько ласковых слов, то есть когда и он испытывает в этом необходимость.

Им было так трудно вместе, что, по всей вероятности, они бы разошлись, но через год родился ребенок.

Алексей сразу, еще до того, как увидел сына, разглядывая в приемной родильного дома его ладошку, очерченную неуверенной карандашной линией на Вериной записке, понял, что жить, жить по-человечески, без ребенка нельзя.

После рождения Костика Алексей стал ровнее и очень подружился с женой; он уже не повторял, что любит «по-своему», и Вера была счастлива, как в первые дни их знакомства, так счастлива, что иногда, просыпаясь, не могла уснуть от ощущения полного счастья и боялась пошевельнуться, чтобы не потерять его.

Потом все пошло по-прежнему.

Жизнь осложнилась еще больше, потому что некому было оставаться с ребенком и пришлось выписать из Киева Ольгу Петровну, дальнюю родственницу Веры, женщину добрую, но ничем на свете не интересующуюся, кроме своих действительных и мнимых болезней. В комнате запахло лекарствами; этот крепкий аромат передавался даже книгам, одежде; на бумагах то и дело возникали следы темных и едких желудочных капель, а по полу перекатывались, хрустя под ногами, крошечные гомеопатические шарики.

К тому же Ольга Петровна с первого взгляда невзлюбила Алексея.

Токины скоро поняли, какую совершили ошибку, выписав родственницу, и поняли, что ошибка непоправима.

Когда они совсем было решались поговорить с Ольгой Петровной, та вздыхала и вполголоса повторяла стихи Северянина: «На несчастии другого всякий счастье строить прав».

Губы у нее при этом кривились, лицо бледнело от страха за будущее, и становилось ясно, что женщина это старая, одинокая, действительно больная, без средств к существованию, отсылать ее нельзя, да и некуда отсылать.

Каждый год Алексей решался наряду с педагогической работой взяться наконец за экспериментальную часть кандидатской диссертации, но после первых же опытов руки опускались. «Если бы все сложилось иначе,— другое дело,— говорил он себе,— но все сложилось так, что именно о научной работе — главном в жизни — даже думать не приходится».

В тот год — седьмой год их супружества — к осени наметилось некоторое просветление в трудных обстоятельствах семьи. Токины получили неожиданно еще одну комнату, где Алексей мог заниматься без помехи.

В лаборатории заброшенный и совсем забытый им штамм кишечной палочки дал вдруг новую, крайне своеобразную форму микроба, и, продумывая это явление, Алексей увидел, что вся диссертация поворачивается по-иному.

Надо было работать, работать не спуская глаз с новорожденной, нестойкой расы бактерий, а в это время тяжело заболел сын.

Хотя врач сказал, что скарлатина — «инфекция прошлого» и процент смертности от нее резко понизился, но уже то, что процент этот все же был упомянут, и выражение лица врача и температура, сразу подскочившая почти до сорока градусов, — все это заставило и Алексея и Веру, в других случаях более спокойную, чем муж, потерять голову.

Они отвезли ребенка в больницу и всю дорогу повторяли Костику, что, конечно, останутся с ним, хотя знали, что это неправда, и чувствовали, что оставлять ребенка первый раз в его жизни одного, когда ему так тяжело, в смертельно опасную минуту оставлять маленького, совсем беспомощного человека, у которого нет даже сил держать открытыми глаза, — почти предательство, которого, однако, избежать невозможно.

Из приемного покоя санитар понес сына через двор в палату.

Мать осталась оформлять документы, и мальчик, почувствовав надвигающуюся опасность разлуки, вдруг очнулся, напрягся всем телом и судорожно схватил горячей ладонью руку отца, шагавшего рядом.

Пальцы ребенка пришлось разжать силой. После того, как Костика унесли, Токин долго еще слышал из палаты второго этажа зовущий, отчаянный, недоумевающий крик.

Больница была старая, с фасадом, облицованным темными от времени, дыма и угольной пыли гранитными плитами.

На дворе росли рябины, темно-красные от множества спелых, прихваченных первыми осенними заморозками ягод. Кусты прилегали к ограде, за которой по узкоколейной заводской линии носился паровозик с астматическим дыханием и необычайно протяжным и унылым гудком.

Через открытые ворота рядом с проходной в больничный двор то и дело въезжали машины неотложной помощи.

Два раза в день — утром в половине девятого и вечером в шесть — в проходной развешивали наклеенные на фанерные дощечки температурные листы. В проходной было всегда полутемно, и когда Алексей бросался со света с бьющимся сердцем к листам, первые несколько секунд он ничего не мог разглядеть.

Потом глаза, напряженные до боли, привыкали к сумеркам, и из темноты выплывали неясные, как бы колеблемые рябью цифры.

Болезнь у ребенка развивалась тяжело. Температура, сбитая пенициллином, опускалась было и снова упрямо карабкалась вверх.

Вере трудно было отпрашиваться с работы, и в больницу почти всегда приходил один Алексей. Побывав в проходной, он долго бродил по двору, стараясь разузнать что-нибудь еще о самочувствии сына от нянечек и санитаров.

Сперва Токина гнали со двора, но потом в больнице привыкли к этому длинному, тихому, слегка заикающемуся человеку.

Иногда палатная няня просила его сорвать и бросить в окно ветку рябины, или знакомый санитар доверял помонь поднести узел с бельем, или кому-нибудь из посетителей надо было переписать записку крупным почерком, чтобы ребенок сумел сам прочитать.

Он с радостью брался за любое поручение, оправдывавшее его пребывание на больничной территории, где все с головой были заняты трудным и тревожным делом.

Он познакомился с ребятами, находившимися в палатах первого этажа, особенно с одной крошечной, вероятно, двухгодовалой, веселой девочкой из третьего бокса, которая при его приближении к окну в припадке необъяснимого восторга принималась плясать на кроватке.

Потом девочку выписали, и через стекло виднелась теперь фигурка закутанного в одеяло спокойного и печального мальчика.

Узнав температуру сына и его соседей по палате, Алексей сравнивал течение болезни у своего ребенка и других детей, потом шел на угол к телефону-автомату, чтобы позвонить Вере.

К концу третьей недели болезнь поддалась наконец, и в понедельник главный врач разрешил выписать ребенка из больницы.

Алексей и Вера получили мальчика уже под вечер. Такси не оказалось, и Алексей нес сына на руках — закутанного во всевозможные платки и все-таки легкого: так исхудал мальчик за время болезни и так истосковались руки по этой тяжести.

В проходной Токины замедлили шаг, улыбнулись друг другу; теперь уже нечего было выискивать в серых от сумерек температурных листах.

Лицо у мальчика изменилось. И не только похудело от болезни, а, как показалось отцу, повзрослело, стало строже, хотя оба эти слова странно звучали в применении к пятилетнему ребенку. Говорил Костик, как обычно, торопливо, сразу о десятках вещей, но было в этой речи и нечто новое, может быть, даже какое-то иное вйдение жизни.

Минувшим летом на даче Алексей с сыном поймали ежа, очень старого и больного, и, убедившись в немощах животного, решили ежика выпустить. Когда серый колючий клубок скрылся во мху среди елок, сын спросил:

— Все старенькие умирают?

Отец почувствовал, что мальчику очень не хочется думать о смерти ежа, и уклончиво отозвался:

— Не знаю.— А через секунду добавил определеннее: — Вероятно, не все умирают... вероятно.

Теперь мальчик прежде всего твердо сказал:

— Все старенькие умирают.

Он узнал в больнице и многое другое.

Он пробыл в отсутствии меньше месяца, а возникало чувство, будто Костик вернулся из рекрутчины: стриженый, похудевший и уже не во всем знакомый, впервые самостоятельно прикоснувшийся к жизненному горю; рано все-таки...

На улице Токиных догнал пожилой человек в потертом кожаном пальто и хрипловатым голосом предложил:

— Купите! Недорого возьму. Уникальный предмет на сорока камнях. С войны сохранился, от разбитого самолета.

У Алексея были заняты руки, а Вера машинально, растерянным и неуверенным жестом взяла протянутые ей часы.

— Приделаете к щитку на машине, уникальный предмет на сорока камнях,— продолжал убеждать человек в потертом пальто.

— Что вы!.. Какая у нас машина? — отозвалась Вера.

— Нет, так будет,— почувствовав легкое колебание в голосе женщины, настаивал продавец.— Недорого ведь. Заводская цена — сотни три, возьму сто, ну, восемьдесят...

Отец ускорил шаги, но сын, до того тихий и безразличный к окружающему, настойчиво попросил:

— Это игрушка? Купи. Я очень хочу игрушку.

— Конечно, игрушка,— оживился продавец.

— Купи, — еще раз попросил Костик.

Вера торопливо вынула из сумочки деньги и отсчитала восемьдесят рублей.

Часы были интересные, с несколькими циферблатами, множеством стрелок и заводом на семь суток.

Дома Костик соскользнул с рук, тихонько, от слабости покачиваясь на тоненьких ножках, прошелся по комнате, притронулся ко всем своим книгам, к деревянной лошади с выкрашенными отцом в серебряную краску копытами, грузовику-самосвалу, к полочкам с инструментами и книгами. Именно притронулся, как будто взять что-нибудь у него не хватало сил, но надо было убедиться, что все на месте, ничего не изменилось.

Притрагивался молча, удивленно и робко, потом постоял на середине комнаты и попросил, чтобы его уложили в постель.

Раздевшись, Костик прежде всего вспомнил про «игрушку». Мать не сразу поняла, что речь идет о часах. Алексей и Вера сели рядом с мальчиком на его кровати и долго разглядывали часы.

Часы имели клеммы для электрического подогрева при полете на больших высотах и какие-то кнопки красного и стального цвета.

Водя пальцем по стеклу и черному матовому кожуху, мальчик спрашивал о назначении той или иной части и внимательно слушал объяснения.

— Вот тут написано: «Время полета»,— говорил Алексей.

— Время полета,— беззвучно пошевелил губами Костик. К нему вернулась привычка прежде про себя повторять незнакомые слова, пошептать, а потом уж произносить их вслух.— Время полета. Мы летим? Будто бы летим,— повторил мальчик с тем особенным выражением расширившихся глаз, серьезным и как бы зачарованным, которое показывало, что он играет, но относится к игре очень серьезно и приглашает принять в ней участие.

— Вот если мы полетим, нажмем эту кнопку. Видишь? — сам увлекаясь и понизив голось, как будто речь шла о чем-то таинственном, что касалось только его и сына, продолжал Алексей. — Теперь эта стрелка отсчитывает секунды полета, а эта — минуты, эта — часы. Если мы полетим...

— Мы летим, — шепотом перебил сын. С каждой секундой с него сходило то наносное, незнакомое, что так поражало после больницы. Уже летим, — говорил он, не спуская глаз с часов.

— Конечно, летим, — поддержал отец.—Уже тридцать, тридцать пять, сорок секунд. Мы высоко. Там, где холодно. Закутайся одеялом, а в часы мы включим электроподогрев. Вот так, хорошо. Теперь им тепло. Тебе тоже тепло?

— Тепло, — отозвался сын.

— Значит, можно выше. Выше! Мы уже летим две минуты двадцать секунд. Две минуты тридцать секунд. Теперь закрой глазки и спи, я тебя сменю у штурвала. Спи, нам еще долго летать.

— Ты меня разбудишь? — спросил сын.— Папа, ты не забудешь? — Последние слова он проговорил полусонно, еще на мгновение открыл глаза и свернулся калачиком.

Вера и Алексей тихонько улеглись на широкой тахте.

— Хорошая игра,— шепотом сказала Вера.

— Хорошая,— задумчиво согласился Алексей. — У Догадова, в учебнике педагогики младшего возраста, сказано, что в первые годы игра владеет человеком безраздельно и никогда, до самой глубокой старости не уходит из жизни полностью.

Алексей поднялся, постоял, прислушался к дыханию сына и погасил свет.

У часов, предназначенных быть привинченными к приборной доске, не было ножек, они казались толстыми и неловкими, тяжело переваливались при прикосновении. Теперь, в темноте, они точно поднялись в воздух и повисли в черном пространстве, стройные и легкие.

Кроме дыхания сына, неровного, затрудненного, слышалось еще уверенное тиканье часов. Впечатление полета было такое неожиданное и отчетливое, что даже чуть-чуть закружилась голова. Вера взглянула на мужа, чтобы проверить, чувствует ли он то же, что и она. Но Алексей уже спал, и сын спал.

Она тоже опустила веки, но уснуть не смогла.

Когда она снова открыла глаза, через минуту, а может быть, через час, циферблат как бы еще приблизился; светящийся, с множеством точек, он был похож на звездное небо. Зеленоватый отблеск ложился на бледное лицо сына. Секундная стрелка, легкая и длинная, шла и шла, скользила с удивительной плавностью, как межпланетный корабль среди звезд, как спутник вокруг Земли. Стрелка шла и шла, отсчитывая секунды полета. Сквозь полусон Вера подумала: «Если ребенку снится полет, — значит, он растет; если полет снится взрослым, — значит, что-то меняется в их жизни, что-то важное».

Она еще раз взглянула на циферблат, потом на лица мужа и сына. Они были в полете уже два часа двенадцать минут сорок шесть секунд. Отражение автомобильных фар проплывало по потолку и стенам, как облака.

Часы отбивали секунды уверенно и сильно, как мотор. Сквозь сон стук их отзывался в сердце каждого из троих. Они были в полете и, может быть, не на одну эту ночь, а надолго.

Мих. ЗЛАТОГОРОВ

Фото Б. Вирина.

ДЕВУШКА ИЗ КРОНШТАДТА

Лидия Радюхина (на переднем плане) с подругой Ольгой Ильиной.

В один из летних дней прошлого года пассажирский катер доставил в Ленинград из Кронштадта тоненькую смуглую девушку. Она тотчас деловито зашагала по причалу, торопясь в город. На вид ей было не более семнадцати лет. Складка маленьких, пухлых, но горделиво очерченных губ, доверчивый и в то же время пристальный, серьезный взгляд выражали озабоченность и решимость.

Добравшись до Смольного, девушка в задумчивости остановилась. Она знала, что именно здесь, в этом здании, могут ей помочь, хотя никто точно так и не смог сказать, где выдаются направления на стройки. Ей посоветовали идти в горком комсомола.

— Почему же вы не обратились в свой райком? — спросили в горкоме, посмотрев комсомольский билет девушки.

Она замялась:

— В Кронштадте я не могла...

— Но мы должны знать причину.

Тогда она рассказала. Зовут ее Лида Радюхина. Десятилетка уже за плечами. Отец заведовал типографией, теперь вышел на пенсию, матери нет. Живут в достатке. Отца она любит и уважает, но сейчас между ними разлад. Она твердо решила ехать на Крайний Север, а он против. Старший брат, инженер, тоже против, хотя, может, в душе и сочувствует ей... Они говорят: «Куда ты поедешь одна? Готовься лучше в институт». Но ведь только тот настоящий патриот, кто в самые трудные минуты для Родины берется за самые трудные ее дела. Так написал писатель Петр Павленко, и она, Лида Радюхина, целиком согласна с ним. А отец не хочет этого понять. Обратись она за путевкой дома, в Кронштадте, отец заявил бы протест и ей наверняка отказали бы.

— Но, может, надо посочувствовать отцу?

— Я буду ему писать, я его не забуду.

Через несколько дней город Ленина отправлял добровольцев на большое строительство в Заполярье — в дальний уголок Кольского полуострова, на Печенгу. Среди уезжавших была и девушка из Кронштадта.

Печенга... Северная стройка шестой пятилетки. Вот ее предыстория.

В глубине голой горной тундры, где в годы войны проходила линия фронта, советские геологи нашли богатейшее месторождение никеля. И вот в краю снежных буранов и северного сияния, на неласковой, каменистой земле, усеянной бесчисленными валунами, началось сооружение большого промышленного комплекса и нового города.

Когда в июне 1956-го Лида Радюхина и другие добровольцы прибывали на стройку, место это называлось глухо и буднично — «41-й километр».

Все надо было начинать заново, все создавать самим.

Свет... Нити в лампочках едва-едва накалялись, а то и совсем тускнели, потому что захлебывался слабосильный временный движок. Но чтобы свет горел ровно и ярко, для этого надо было через сопки и болота протянуть линию высокого напряжения, соорудить на высотке, на юру, где бесновались свирепые ветры, железобетонный каркас подстанции.

Вода... Она досталась еще труднее. Тревога началась в сентябре, когда прибыли еще две группы с комсомольскими путевками. Население поселка сразу удвоилось, а брали воду из одного и того же маленького озерка Безымянного. Решили тянуть новый водовод от большого проточного озера Хауки. Оно лежало за сопками, в стороне от магистральных дорог. А снежные бури налетали все чаще. И комсомольцы шли на трассу навстречу лепившему в лицо снегу.

Сквозь свист пурги доносились до поселка глухие удары: это значило, что ребята на трассе действуют, что водовод строится. Перед Лидой словно заново оживали страницы любимых книг, посвященных мужеству поколения Корчагиных.

Однажды прорвались глубинные воды. Тогда землекопы из бригады Анатолия Панкратьева сняли с себя ватники, обернули ими валуны и завалили, заткнули дыру, из которой хлестала вода. Подсушились, обогрелись в раскинутой возле трассы палатке и снова взялись за перфораторы, лопаты, кирки.

Так добывалась вода. И поселок получил воду — свежую, чистую, вкусную; она пришла по трубам, сваренным на морозном ветру молодыми, сильными руками.

Теперь надо рассказать о тепле. Оно тоже должно было прийти по трубам из недостроенной котельной. Ах, как ждали его! Ведь не только в брезентовых палатках, но и в деревянных сборнощитовых домах — всюду преследовал холод.

Лида Радюхина работала подсобницей. Впервые в жизни школьница из Кронштадта держала в руках лопату и кирку, таскала носилки с блоками, кирпичом. Впервые почувствовала, что такое настоящая рабочая усталость, когда плечи и шея ноют так, словно ты сильно обжег их на солнце.

Можно было, конечно, и на стройке устроиться где-нибудь, где полегче: учетчицей в контору или кладовщицей на склад. Тем более с десятилетним образованием.

Порой, устало присев на куче земли, Лида ловила на себе угрюмо-испытующие взгляды. «Теперь ты знаешь, какова она, романтика! Скоро, наверно, переметнешься куда-нибудь на уютное, чистенькое место», — читала она в этих взглядах.

Была на стройке девушка с такой же примерно судьбой, что и Лида, — тоже десятиклассница, тоже начитанная, тоже приехала восторженной энтузиасткой: начала с подсобниц, гордо показывала маленькие ручки с набитыми мозолями вишневого оттенка, а потом неожиданно перешла в табельщицы. И хотя ничего зазорного в поступке этом не было — ведь труд табельщицы тоже нужен и важен, — Лида знала, что многие из ее подруг осуждают в душе поступок вчерашней энтузиастки. Табельщицей может быть и более пожилая, а если ты молода, здорова и если слова твои о любви к Родине не просто слова, так не отказывайся от самой трудной работы.

Лида знала, что там, наверху, куда по шатким подмостьям надо подниматься с оттягивающими руки носилками (это случалось, когда выходил из строя кран), каменщики ждут подсобниц. И она испытывала особую, чистую, теплой волной окатывающую сердце радость, если кладка шла ровно, безостановочно. Ведь дорог был каждый час, приближавший пуск котельной.

Наконец пришел день, когда подняли трубу котельной, длинную, узкую черную трубу — первый индустриальный силуэт в горной тундре. Как горделиво рисовался он на фоне низкого, хмурого неба! Оставались небольшие недоделки: закончить обмуровку котлов, штукатурку печей.

Мастер сказал, что не хватает глины для штукатурного раствора. Четверо девушек сели в грузовую машину, чтобы съездить в карьер за глиной. В таких случаях всегда посылали подсобниц, но на этот раз случилось так, что поехали сами штукатуры из бригады Раи Чижовой: они хотели поскорее закончить работу.

Уже наступила полярная ночь, а дорога была трудная и небезопасная: спуски, подъемы и повороты. Неопытный шофер не совладал на крутом повороте с рулем — машина опрокинулась, и одна из девушек, Люся Худовекова, падая, ударилась виском о камень.

Люся умерла еще до того, как ее привезли в больницу.

Рыдал весь поселок. Малодушные дали волю разгулявшимся нервам. Те, у кого давно уже были «чемоданные настроения», злобно нашептывали: всех ждет то же, что постигло Люсю, тут вообще пропадешь — с этой темнотой, холодом и метелями.

В эти дни Лида многому научилась у маляра Люси Васильевой, секретаря комсомольской организации стройки.

Кто не знает, не любит в коллективе Люсю Васильеву?! Лида часто думала о ее жизни. Круглая сирота. Выросла в детдоме. С шестнадцати лет пошла на фабрику. А сколько в ней задора, участия к товарищам, подругам! И не иссякает, не гаснет ее энтузиазм, не то, что у некоторых «романтиков летнего сезона». Была работницей у станка — стала отличным маляром. Лиде посоветовала: из бригады не уходи, но учись малярной специальности — прекрасная работа. Сам Алексей Максимович Горький числился подмастерьем малярного цеха.

Зажигающе веселой была Васильева на вечерах самодеятельности, в походах в сопки и на озера, а сейчас никто так не пере-

живал постигшее коллектив горе, как она. Но и Люся Васильева, и Рая Чижова, и все подруги погибшей переживали горе по-своему: наперекор нытикам продолжали выходить на строительные участки так же дисциплинированно, как и до несчастья.

Вскоре недалеко от здания котельной — она уже давала тепло! — комсомольцы нашли заброшенную могилу.

Ветераны сказали, что, наверно, похоронен здесь сапер: очищал сопки от немецких мин и сам подорвался. Вечером десятки рук любовно мастерили бетонную надгробную плиту. На плиту положили венок из хвои, вплели в него шелковую ленту: «От молодежи и комсомольцев поселка Заполярный».

И от могилы красноармейца к тому повороту дороги, где погибла Люся Худовекова, словно протянулась невидимая, но крепкая нить.

Зима была метельная, весна — затяжная. Все уже жили в домах, палаток больше не стало.

Двадцатого марта 1957 года в книге рождений поселкового загса сделали первую запись: Редькина Ирина. Это был праздник всего поселка! Все поздравляли отца, слесаря Николая Редькина, и мать, маляра Ларису Рогову, близкого друга Люси Васильевой. И Лиде теплее стало на сердце: вот ведь не только о первой смерти в Заполярном, но и о первом рождении сумеет она написать в Кронштадт!

С маленькой Иришкой нянчились и бригада маляров и бригада подсобниц. Все предлагали одеяла, платки, чтобы укутать девочку. Купили для нее ванночку. Хором поправляли юного отца, если брал он дочку на правую руку, — полагалось на левую, так еще в родильном сестра объясняла! А когда молодой семье дали в общежитии комнату, подруги взялись сами отделать ее. И еще как отделали!

* * *

Недавно пришлось мне снова встретиться с Лидой Радюхиной и с другими девушками и юношами, всерьез связавшими судьбы свои с Заполярьем, с растущим в горной тундре новым городом.

Издали знакомым силуэтом возникла черная узкая труба котельной. Осенью 1956 года это было единственное сооружение, поднимавшееся над низкорослым кустарником, валунами и бараками. А теперь за трубой я увидел светлые шиферные крыши, стрелы кранов, водонапорную башню.

Вот и старые знакомые.

Лицо Люси Васильевой немного осунулось, большие, ясные улыбчивые глаза словно спрятались в тени, а между бровей прорезалась тонкая морщинка. Нелегким был год.

Основное ядро ленинградских комсомольцев, рассказывала Люся, выдержало испытание. Родными стали для них новые профессии и новые края. А одиночки-дезертиры — они не достойны имени ленинградцев.

— Я в партию подала... — рассказывает Люся.

— А как поживает Лида Радюхина?

— На месте. Вон они, подсобницы, возле нового дома хлопочут!

К первой годовщине жизни на Крайнем Севере молодые строители закончили первое фундаментальное двухэтажное общежитие, собранное из крупных блоков. Штукатурили здание девушки из той самой бригады, что работала на стройке котельной, — бригады Раи Чижовой, — а помогали им подсобницы, среди которых я сразу узнал тоненькую фигуру Лиды Радюхиной. Она стояла рядом с подругами перед входом в дом и разгребала лопатой песок.

Мы вошли в дом. Ударил в ноздри запах краски. В раскрытых настежь дверях пустых еще комнат виднелись выкрашенные синим батареи и белым — наличники окон. Дорожка из толя оберегала свежий сурик полов. Встроенные в стены шкафы ждали, когда их заполнят пестрые, веселые ткани девичьих одежд... Ведь здесь, в этих светлых, уютных комнатах, поселят в первую очередь девушек — штукатуров, маляров, бетонщиц, подсобниц...

Лида провела меня по коридору, он оканчивался балконной дверью. Стекло двери было уже промыто, и сквозь него виднелся следующий крупноблочный дом, где еще не закончились отделочные работы. Там валялась щепа, доски перекрещивали пустые проемы окон, на подмостьях виднелись бочки, ведра с раствором, в углах громоздились кучи строительного мусора.

— Самое интересное, — сказала Лида, — самое интересное в жизни — видеть, как вот из такого хаоса возникает стройное, красивое здание!

На другой день было воскресенье. Солнце изо всех сил старалось вознаградить молодых строителей Заполярья за холодные и дождливые дни.

Ребята гоняли по шоссе на велосипедах и мотоциклах. Другие еще с вечера ушли на рыбалку.

Высокий худощавый электрик Володя Губанов сфотографировал Лиду, потом и всех нас «на фоне будущего города Заполярного». Зашел разговор о перспективах. Лида сказала, что хочет поскорее овладеть профессией маляра, а потом пойти заочницей в строительный вуз. Другие говорили о курсах механизаторов, о специальностях горняков и обогатителей. И тут неожиданно Володя Губанов сказал, что... все это «красивые слова». Стройка — кратковременный этап. Немного еще поработать — и хватит. Вот Лиде, например, пора уже возвращаться к отцу. Дома условия у нее хорошие, думать о куске хлеба не приходится.

— На жизнь вообще смотреть надо трезво, а не витать в облаках, — заявил он в заключение.

— А мне и здесь хорошо! — сразу посерьезнела Лида: овальные узенькие ноздри, горделивая складка маленьких, детских губ — все лицо ее отразило вспышку гнева, волнение. — Я стала здесь человеком, понимаешь ты это, Володя? Никуда отсюда не поеду. А ты как знаешь...

«Витает в облаках»... Нет, она твердо стоит на земле среди подруг и товарищей, верных большой мечте, под крышей, построенной своими руками. И это — счастье.

Поселок Заполярный.

МНОГО ДРУЗЕЙ У МАЙИ!

Юная крановщица Ульяновского порта Майя Пастухова была немало удивлена, получив однажды сразу несколько писем, написанных незнакомыми почерками, с неизвестными ей обратными адресами. Но прошел день, миновала неделя, и Майя перестала удивляться: письма ей доставлялись десятками, их набралось множество. Писали ей студенты, рабочие, военные.

Поводом к этой оживленной переписке послужила обычная фотография Я. Рюмкина, напечатанная в «Огоньке» № 37. Фотография сопровождалась короткой подписью:

«По окончании десятилетки Майя Пастухова поступила на курсы и овладела специальностью крановщицы. Ныне она работает на портальном кране в Ульяновском порту».

Но в этой подписи н было все дело. Прежде всего заинтересовались судьбой девушки, освоившей такой чудесный механизм, как портальный кран, такие же, как Майя Пастухова, вчерашние десятиклассники. «Давайте познакомимся» — предложил ей Владимир Берловский из Приморского края. Он тоже хочет стать крановщиком и просит Майю написать «подробнее о своей специальности, о том, что нужно для овладения ею».

Профессия Майи близка Валерию Самуйлову, шоферу подъемного крана в городе Беднодемьяновске. Да и не только профессия: он тоже окончил 10 классов. Но затем последовали неудачи: дважды Валерий сдавал экзамены в военно-морское училище, и оба раза неудачно. Он поступил работать, однако, видать, настроение у него было не из блестящих. Но, увидев счастливое лицо Майи, он понял, как пишет Валерий, что она нашла свое призвание в работе. И теперь ему самому хочется того же.

Юрий Башлыков из Петрозаводска сообщает о себе: он строит новые заводские цеха. Любопытно, что сам Юрий получил среднее образование уже во время работы, окончив вечернюю школу.

Есть письма и другого характера. Уроженец Ульяновска Евгений Эгитпи радуется успехам своей землячки. Он служит в армии и просит Майю описать, «как сейчас жизнь у нас в Ульяновске». Виктору Ш. из Красноярского края «стало очень обидно за девочек нашего бывшего 10-го «А» класса. Они, к сожалению, не работают и не хотят работать». Сам Виктор трудится и посылает свой привет Пастуховой «в квадрате»: как десятикласснице и как рабочему.

Об этой обширной переписке мы узнали из газеты «Ульяновский комсомолец», которая в своем номере от 1 ноября посвятила целую страницу почте Майи Пастуховой. Здесь же опубликована фотография Г. Леонтьева: мы видим Майю и пришедшего к ней в гости товарища за разборкой почты. (Справа мы печатаем фотографию страницы из газеты «Ульяновский комсомолец».)

Много друзей появилось у Майи Пастуховой! И на такой же сердечный отклик может рассчитывать каждый советский человек, скромно и честно выполняющий свой долг.

Со снимка, который был напечатан в сентябрьском номере журнала «Огонек», смотрит простая девушка с открытым жизнерадостным лицом. А там дальше — необозримые просторы Куйбышевского моря.

И все. Казалось бы, ничего особенного не было в этом снимке и том небольшом очерке, где говорилось об успехах вчерашней десятиклассницы, а ныне крановщицы Ульяновского порта Майи Пастуховой.

А через несколько дней после этого Майя получила первые письма. Вначале их было немного. Но затем почтальон стал приносить молодой крановщице по нескольку десятков разноцветных конвертов. Майе пишут совсем незнакомые люди: студенты, рабочие, военные.

Во всех этих письмах говорится о рядовых советских людях, об обычных в нашей действительности явлениях. Мы печатаем часть писем из большой почты Пастуховой. В обычности тех явлений и фактов, о которых идет в них речь, раскрывается величие нашего времени. Конечно, по одним этим письмам не составишь полного представления о богатой, яркой жизни, которой живут наши люди. Это только один штрих, одна деталь. Но за каждой строкой этих писем, за каждым фактом, за каждой человеческой судьбой явственно ощущаются результаты труда и воли миллионов, направляемых партией.

Мы—люди одной мечты

По письмам Майи Пастуховой

В нашей стране — прекрасные люди!

Здравствуйте, Майя!

Вот мне здорово интересно, даже загадочно, как Вы за такой короткий срок отлично овладели краном, так отлично научились работать. Наверное, Вам помогли Ваши товарищи, простые советские люди. Ведь в нашей стране такие люди хорошие!

Расскажу немного о себе. Как и все, учился в школе, после девятого класса пошел сразу на кран. Сначала не принимали — был совсем пацаненком, потом все обошлось. Работал вначале на стройках жилых домов. Собирали крупноблочные дома в три—четыре этажа. Это, конечно, все хорошо, но вот с работой у меня не всегда ладилось. Как ни старался, а больше 150 процентов не мог дать. Вытащишь блок из пропарочной камеры, поднимаешь, а он в воздухе рассыпается. А в каждом блоке полтора—два кубометра бетона. Да еще и монтажников хороших не было. Как только блок подведешь к нему, он бежать от него готов,—руками боится к нему прикоснуться. А то еще женщины попадутся, с ними вообще, как говорится, «могила» (не подумайте, что обижаю Вас, нет, нет, только некоторые). Заодно учился в десятом классе вечерней школы и кончил ее (хотя не один раз пытался бросить). Потом хотел идти учиться, но работа просто затянула. Получили новые краны, и ушел строить цеха на заводе. Я думаю, что Вы ответите, Майя. Напишите, как работаете. Портальный кран — это же прекрасная машина! Просто сила! Не пришлось мне поработать на таких, какой в Ваших руках, он, наверное, как игрушка бегает

Юрий БАШЛЫКОВ.

г. Петрозаводск.

Вы мне нравитесь...

Привет Поволжью из Приморского края!

Здравствуйте, уважаемая Майя! Вы, конечно, удивитесь, получив письмо от совершенно незнакомого Вам человека. Прежде всего, давайте познакомимся. Меня с детства величали Владимиром Александровичем Берловским. К сожалению, Вашего отчества не удалось узнать. Мне хотелось бы узнать не только Ваше отчество, но и Вашу работу. Я хочу тоже стать крановщиком. Напишите, пожалуйста, подробнее о своей специальности, о том, что нужно для овладения ею. Что главное и что второстепенное?

Вы, конечно, спросите, почему я обращаюсь по этому вопросу именно к Вам, а не к кому-либо другому. Отвечу сразу. Во-первых, потому, что Вы—молодой крановщик, не так давно овладевший этой специальностью. У Вас все свежо в памяти. А во-вторых, Вы мне просто понравились, как девушка, как человек. Бывает же так, что человек располагает к себе, даже если знаком с ним только по фотографии. Не обижайтесь за мои слова и не смейтесь над ними. Все это серьезнее, чем может показаться.

С уважением Владимир.

Приморский край.

Герои есть и в нашем городе

Привет с Дальнего Востока!

Здравствуйте, незнакомая девушка Майя! С горячим солдатским приветом к Вам так же незнакомый Виталий! Майя! Прошу моему письму не удивляться. Дело в том, что я встретил Ваш снимок в журнале «Огонек» и решил Вам написать (как своей землячке). А когда встретил Ваш фотоснимок, то я даже очень был доволен тем, что есть герои труда и в нашем городе, который славится на весь Советский Союз. Поздравляю Вас, Майя! Немного о себе: я сам из Заволжья, учился там, окончил шесть классов, пошел в ремесленное училище, после окончания которого стал работать на автозаводе, а потом ушел в ряды Советской Армии. Вот вкратце я и описал о себе.

Майя! Я Вас прошу тоже немного описать о себе, как и где жили и учились. Также, Майя, прошу Вас опишите, как сейчас жизнь у нас в Ульяновске, как проводите свободное время. Было ли закрытие парка имени Свердлова, как на Венце? Что нового в филармонии и вообще в городе? Ведь я там не был два года, и меня все очень интересует. Также, Майя, прошу описать о нашем море (как его сейчас называют), какие новые картины в «Художке». Ну, на этом разрешите закончить мое маленькое письмецо.

Евгений ЭГИТПИ.

Ваш выбор — пример для молодежи

Здравствуйте, Майя!

Извините за беспокойство. Получив письмо, Вы, конечно, удивитесь, да? Не удивляйтесь, письмо на самом деле с Крайнего Севера. Впрочем, посмотрите на карте, где красный флажок нарисован и где сходятся все меридианы. Далеко? Вот даже где о Вас узнали! Поздравляем Вас за успехи, которых добились, и желаем не останавливаться на достигнутом. А главное, Ваш выбор —пример для всей нашей молодежи, а особенно для тех, кто растерялся после школьной скамьи. Извините, Майя, поздравляем, желаем успехов, а не представились. Моряки-подводники, североморцы. Длинное имечко, да? Но зато почетное. Мы следим за показателями на трудовом фронте, гордимся за успехи каждого и каждой и еще больше чувствуем за собой ответственность, охраняя рубежи нашей Родины. В общем, трудитесь спокойно. Скоро и мы на трудовую вахту придем. Я сам волжанин, и поэтому я еще больше горжусь Вами. Не подкачайте! Пишите о себе.

До свиданья!

Михаил ДОРОНИН.

Жизнь бьет ключом

Майя, здравствуйте!

Сегодня получил Ваше письмо, хотя, признаться, потерял надежду на то, что Вы когда-либо ответите. Меня несколько удивила Ваша краткость, а мне хотелось узнать более подробно о Вашей жизни, занятиях, о городе, о котором я так много слышал. У нас сегодня выпал первый снег после длительной и наредкость солнечной осени. Как-то вокруг стало особенно хорошо, а жизнь студенческая по-прежнему, как говорится, «бьет ключом». Мы сейчас занимаемся большой преддипломной работой: проектируем электрооборудование мостового крана. Я проектирую кран Г-П 35Т, работа интересная, но очень уж объемистая. В общежитии у нас весело, вот и сейчас, когда пишу Вам письмо, у нас гремит музыка. Я и сам большой любитель музыки.

Майя, разрешите мне на этом кончить. Пишите больше о своей жизни, как проводите свободное время. Буду ждать ответа с нетерпением. Очень прошу выслать, Майя, свое фото.

До свидания. Со студенческим приветом

Владимир КУЗНЕЦОВ.

г. Томск.

---o---

ОБИДНО ЗА ОДНОКЛАССНИКОВ

Здравствуйте, Майя!

Пишет Вам бывший десятиклассник Штанько Виктор.

Майя, когда я увидал Ваш портрет в «Огоньке» за работой, мне стало очень обидно за девочек нашего бывшего 10-го «А» класса. Они, к сожалению, не работают и не хотят работать. Майя, я тоже работаю и поэтому посылаю Вам свой привет в «квадрате»: как десятикласснице и как рабочему. Мне очень хотелось бы узнать Ваши планы на будущее, поделиться с Вами кое-какими мыслями.

Майя, если у Вас не будет времени ответить мне, то прошу Вас простить меня за беспокойство.

Виктор Ш.

Красноярский край.

Хочу на портальный кран

Здравствуйте, незнакомая девушка Майя!

На днях в очередном сентябрьском номере журнала «Огонек» я встретил Ваш снимок и прочитал небольшой очерк о Вашей работе. Очерк и, в особенности, фотоснимок произвели на меня огромное впечатление. Я, как и Вы, в 1956 году окончил среднюю школу, получил аттестат зрелости с серебряной медалью и хотел исполнить свою давнюю мечту в жизни — поступить в военно-морское училище. Но мой план рухнул: я не прошел конкурс. В этом году я решил вторично ехать туда же, но опять постигла неудача. Я отчаялся, махнул рукой и понял, что моряк из меня не выйдет. Но, встретив ваше счастливое лицо на фоне крана, я понял, что Вы действительно нашли свое призвание в работе, и мне захотелось так же, как и Вам, поработать на нашем Куйбышевском море и на таком же гигантском кране. Ответьте мне, пожалуйста, — можно ли устроиться на работу в вашем порту? Именно в вашем, потому что у меня в Ульяновске на улице Карла Маркса живут мои родители, а сам я живу в городе Бедноденьянске с бабушкой и временно работаю шофером подъемного крана на ЗИС-5-«Урал». Очень прошу вас ответить на мое нескромное письмо.

С приветом и Вам

Валерий САМУЙЛОВ.

Майя ПАСТУХОВА, придя с работы в общежитие, любит просмотреть свою очередную почту. Ведь из каждого письма узнаешь что-то новое, интересное. Вот и сейчас она делится своими впечатлениями с пришедшим к ней в гости техником-механизатором порта Леонидом КОРШУНОВЫМ.

Фото Г. Леонтьева.

Строки из писем

Конечно, Вы удивитесь получив мое письмо. Объясню все по порядку. Вам интересно знать, какая причина побудила написать Вам письмо? Ответ короткий — Ваша редкая фамилия. Не подумайте только, что смеюсь над Вашей фамилией и над Вами. Нет. Моя фамилия тоже такая же, как и Ваша: Пастухов, а зовут меня Виктором. Майя, я вот за 23 года своей жизни впервые встретил однофамильца. Ты напиши: авось и родственники какие-нибудь...

Виктор ПАСТУХОВ.

Эстонская ССР.

* * *

...Возможно, Вам небезынтересно знать и большего обо мне, но сам я считаю, что личность моя ничем не примечательна. Самый обыкновенный парень, среднего роста, русые волосы, карие глаза и лицо такое, которое имеет каждый третий гражданин нашего Союза. Этот парень любит музыку, живопись, имеет любимых артистов, но ...по-настоящему ничем с этим не связан. Настоящая моя страсть — книги и техника.

Михаил БЕРЕЗИН.

г. Подольск.

* * *

...Когда я был дома, в Ульяновске, и работал там строителем, порт еще не был готов к эксплуатации, с того времени прошло полтора года, и я думаю, что за это время произошли большие изменения. И потому, как радостно Вы трудитесь, я предчувствую, что работа продвигается там большими темпами вперед. Мне радостно за Вас, что Вам выпало счастье овладеть специальностью крановщицы и работать в порту, который, как я вижу в журнале, вступил в строй.

Геннадий РОМАНОВ.

г. Чкалов.

* * *

Привет из цветущей Армении!

...Уважаемая Майя-джан!

От Еревана до Ульяновска слишком далеко, да и притом в этом году, к сожалению (к моему, конечно), я был уже в отпуске. Очень прошу ответить на мое письмо, а если есть возможность и хотите увидеть нашу цветущую солнечную Армению, и покушать наш прекрасный виноград, персики и другие фрукты, то я буду рад встретить Вас.

С горячим приветом.

Артем АРУТЮНЯН.

г. Ереван.

Писатели и книги

Первые поиски

В издательстве «Молодая гвардия» вышла первая книга рассказов молодого писателя Андрея Меркулова «Крылья земли».

Книга разделена на две части: «Летящие над нами»,— куда вошел цикл рассказов о летчиках гражданской авиации, и «Наши мирные дни».

Андрей Меркулов знает летчиков, их трудную профессию и пишет об этом темпераментно, с любовью. Возможно, придирчивые читатели найдут в рассказах Меркулова некоторые технические погрешности, но дело это исправимое. Главное же—люди, а герои рассказов «Станьте в строй!», «Когда нет погоды», «Сквозь снег», «Проза жизни», «В полете» — люди мужественные, отважные, и читатель непременно полюбит их.

Второй раздел менее удался Меркулову. Сюда, рядом с такими, превосходно написанными вещами, как «Зимнее серебро» и «Мирные дни», вошли рассказы посредственные, как говорят, проходные, не делающие чести автору, включать которые в сборник не было никакого смысла. Почему-то у нас принято издавать лишь книги толстые, непременно в твердых переплетах, с корешками. Но вот если бы автор с редактором не гнались за объемом, а построже отнеслись к отбору произведений и выпустили в свет книгу, пусть вдвое меньшего объема, — это было бы куда лучше для автора, для издательства и для читателя.

Появление новой книги, нового имени — само по себе очень отрадное явление. И ничего, что голос молодого автора пока еще ломок, не устоялся, пусть писатель еще не сумел полностью проявить своего дарования. Лучшие рассказы сборника — свидетельство тому, что Андрей Меркулов — человек одаренный, ищущий, и в поисках этих, конечно же, обретет скоро и собственный голос, и почерк, и настоящее мастерство рассказчика.

Б. ЗУБАВИН

Андрей Меркулов. Крылья земли. Книга рассказов. Изд-во «Молодая гвардия». 1957. 240 стр.

Стихи о своем поколении

«Северные звезды» — так не случайно называется сборник стихов Сергея Наровчатова. В облике его лирического героя очень много от севера России, от сильных и суровых людей — землепроходцев, поморов, охотников,— людей, выросших на больших пространствах и сохранивших в своей натуре широту и удаль, от людей выносливых и стойких, людей дела, но и мечты.

Многое у поэта восходит к сказочной величавости и яркости; отсюда радужная, какая-то лучезарная патетика поэта. Сказка, создаваемая народом, справедлива. Чудесными свойствами в ней наделяются не исключительные люди, а люди простые, добрые, находчивые, смелые. И Наровчатов владеет этим даром показывать почти сказочное обаяние своих суровых, мужественных героев.

Наровчатов — поэт очень русский, но при этом национальное в нем не является вневременным, внесоциальным. Поэт, разумеется, идет прежде всего от жизни. Но за его плечами ощущается серьезная поэтическая культура. Наровчатов очень конкретен в своих лучших гражданских стихах. Когда он говорит о Родине, России, она видится поэту и «косматой буркою Чапая», и «на солнце выцветшей до швов простой корчагинской кожанкой»... Эта детализация образа чрезвычайно важна: каждый эпитет здесь эмоционально насыщен. Когда Наровчатов пишет о партии, он опять-таки предельно конкретен. Он пишет о своем поколении молодых коммунистов, которое пришло в партию в годы Отечественной войны. Он пишет о своем партийном стаже: «кровный, наш». Он говорит, что этот стаж «шагал такими большаками, где день за год засчитывался...» Вечным бойцом коммунизма ощущает себя герой стихов Наровчатова, так осознавший для себя переход от войны к мирному труду:

Испытанные партией
на деле,
Мы с ней пришли к черте
большого дня,
Когда нам приказали
снять шинели,
Не оставляя линии огня!

Я говорил преимущественно о гражданских стихах Наровчатова. Но и цикл стихов «Горькая любовь», где поэт пишет о трудном и сложном в личной жизни, представляет широкий общественный интерес, так как поэт борется здесь за чистоту и ясность человеческих отношений, за сохранение на всю жизнь юношеской романтики, за человечность.

Сборник С. Наровчатова «Северные звезды» ценен и важен как пример поэзии, одушевленной дыханием подлинной гражданственности.

Отрадно, что Магаданское книжное издательство выпустило в свет талантливую книгу своего земляка, со вкусом оформленную художником В. Антощенко.

Гр. ЛЕВИН

Сергей Наровчатов. Северные звезды. Стихи. Под редакцией Вл. Луговского. Магаданское книжное издательство. 1957. 92 стр.

Я ИДУ ПО ЗЕМЛЕ

Сергей ОСТРОВОЙ

РОДНИК

Стучал ладошкой в землю родничок.
Земля закрыла двери на крючок.
На всех дорожках камни положила.
Спать не спала — ночами сторожила.
А он стучал. Стучал. Не уставая.
Он рвался к свету, маленький бунтарь.
И вот уже кипит струя живая,
Бурлит и плавит солнечный янтарь.

Зной не спалил. Мороз не остудил.
Такой малыш, а землю победил!

ДОМ

Есть на земле неведомые страны.
Есть дом в Москве, в котором я живу.
Его не омывают океаны.
Он шпилем не уходит в синеву.
Обыкновенный дом. Семиэтажный.
Широкогруд. Плечист. Жизнелюбив.
Не так, чтоб прост. Не так, чтоб очень
важный.
Он чем-то на особицу красив.
В нем столько тайн, таких секретов царство,
Таких чудес судьба его полна!
Здесь что ни человек — то государство,
Что ни квартира — новая страна.
Войди в нее. Узнай, как ей живется,
Отдай ей свой душевный интерес.
Ведь человек загадочнее солнца,
Непостижимей сказок и чудес.
Он больше их. Он глубже океанов.
Он выше гор, летящих в синеву.

Ты хочешь ехать в сказочные страны!!
Есть дом в Москве, в котором я живу.

ДИВО

В поле радугу полонили.
С темным лесом соединили.
Быть ей вместо лесной дороги.
Стали люди по ней ходить.
А когда-то ходили боги,
Чтобы ноги не застудить.
Я, привыкший к земному хлебу,
К пенью птичьему, к звону льдин,
Я сегодня хожу по небу.
Я по солнцу хожу. Один.
Я иду через дали синие,
Через огненные лучи...

Ах, какие ковры красивые
Ткут в России у нас ткачи!

КАМЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК

Я давно слыхал об этом чуде.
Мне когда-то дед передавал,
Будто камни — это тоже люди,
Только кто-то их заколдовал.
Тяжело им жить на белом свете.
Рук не вскинуть. Рта не отворить.
Но бывает так, что на рассвете
Камни начинают говорить.
По лесам, по падям, по яругам,
Гранями распарывая тишь,
Долго говорят они друг с другом...
Отчего же ты всегда молчишь?
Отчего же, вот уж сколько лет,
Камни говорят, а сердце — нет!

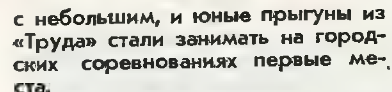
ЛЕСНАЯ БЫЛЬ

Жили-были в лесу две елочки.
Одевались они с иголочки,
Натирались смолой душистою,
Утирались травой пушистою.
А на старом крутом пригорке,
Там, где спрятался желудь в норке,
Дуб стоял. Бородатый. Бурый.
Очень жилистый. Очень хмурый.
И смеялись над дубом елочки,
Распустив смоляные челочки,
И забыли они, что ночью,
В час, когда поднялась гроза,
Он прикрыл их от смерти молча,
Встретив бурю глаза в глаза.

Рисунки А. ЛУРЬЕ.

Покорители высоты

Виктор ВАСИЛЬЕВ

Фото О. Неелова.

Албриттон или Взоров!

Если бы кто-нибудь несколько лет назад предсказал, что в 1957 году советские прыгуны в высоту «свергнут с трона» своих американских коллег, такого человека постигла бы участь всех прорицателей: над ним посмеялись бы. И действительно, сама мысль опередить американцев в этом виде легкой атлетики должна была показаться в то время даже не дерзкой, а просто нелепой. Ведь начиная с 1895 года прыгуны Соединенных Штатов Америки были безраздельными хозяевами рекорда мира. Именно в том году американец Майкл Суинней преодолел рекордную высоту — 197 сантиметров — и вырвал из рук англичан пальму первенства.

Одним из самых выдающихся американских прыгунов был Джордж Хорайн, который изобрел новый способ прыжка, так и названный «хорайном» (нынешний «перекат»). Сорок пять лет назад Хорайн первым в мире преодолел планку на высоте 2 метров. Спустя 24 года Дэвид Албриттон удивил любителей легкой атлетики невиданным до тех пор способом прыжка, который затем получил название «перекидной». Прыгая «волной» или «перекатом», спортсмен переходит через планку боком. При перекидном способе прыгун «ложится» на планку грудью, выигрывая несколько сантиметров. Специалисты найдут в столь примитивном определении много изъянов, но, вообще говоря, разница в этом.

Во всем мире изобретателями перекидного способа считают американцев. А между тем таким способом еще в двадцатые годы прыгал наш спортсмен Борис Взоров — ныне видный тренер и научный работник в области спорта. Но нет пророка в своем отечестве! Несмотря на то, что Взоров прыгал на 175 сантиметров — по тому времени это было очень высоким результатом, — его стиль был осмеян. Взорова и его последователей на соревнованиях освистывали, называли «всадниками без лошади», а самый стиль насмешливо окрестили «тамбовским хорайном» (Взоров тогда жил в Тамбове).

Отзвуки этого шума донеслись за океан. В начале тридцатых годов американский спортивный журнал прислал даже письмо с просьбой рассказать об особенностях прыжка Взорова. Использовали ли американцы опыт Взорова или изобрели перекидной способ самостоятельно — сказать трудно, но факт остается фактом: этот стиль прыжка сослужил им верную службу, а у нас он был до поры до времени если не забыт, то, во всяком случае, незаслуженно обижен. Перекидной способ только тогда занял подобающее ему место, когда... Впрочем, не будем забегать вперед.

Он пришел

Тренер Павел Гойхман работал в ленинградской детской спортивной школе общества «Труд». Еще на институтской скамье он уверовал в перекидной способ и, став тренером, связывал с ним свои лучшие надежды. Гойхман не напрасно верил в перекидной способ. Прошел год с небольшим, и юные прыгуны из «Труда» стали занимать на городских соревнованиях первые места.

Игорь Кашкаров.

Однажды осенним днем 1951 года в спортивной школе «Труда» появился высокий, худощавый угрюмого вида парень в коротком пальто до колен. Каштановые волосы неровными колечками нависали над серыми с прищуром глазами. Он попросил записать его в группу. Это был учащийся электромеханического техникума Юрий Степанов.

Нет, тренер не разгадал в Степанове каких-то особых природных задатков. Поначалу ничто не говорило о том, что перекидной способ вознесет Степанова на рекордную высоту и что Степанов, в свою очередь, поднимет этот способ в глазах всех прыгунов и тренеров. Лишь некоторое время спустя тренер с радостно забившимся сердцем вдруг почувствовал, какой драгоценный спортивный талант этот сдержанный, чуть замкнутый в себе юноша.

В первое время они не очень ладили. Прояви Степанов малодушие, кто знает, может быть, он и ушел бы из спортивной школы, ушел из спорта вообще. Но Юрий Степанов полюбил прыжки в высоту с пылкостью, которая составляет счастливую привилегию юности. Он прыгал не просто с удовольствием, а с каким-то упоением; он чувствовал, что рожден прыгать. Ощущение легкости при взлете, умение контролировать в воздухе движения своего тела — во всем этом было что-то необычайно приятное.

Степанов оказался на редкость одаренным и трудолюбивым спортсменом. Неудачи не обескураживали — они злили его. Он неутомимо развивал в себе то, на что поскупилась для него природа, — физическую силу.

Шли годы. Степанов закончил техникум, отслужил в армии, поступил в институт. Все это время он не прекращал заниматься у своего первого и единственного тренера. Мужал Степанов, мужало его мастерство. И настал день, когда Степанов поверил, что ему по силам осуществить заветнейшую мечту нескольких поколений советских прыгунов.

Самородок из Дятькова

А теперь перенесемся из Ленинграда в Брянскую область. Время действия — год 1949-й. Место действия — садик небольшого дома в городке Дятькове. Главное и единственное действующее лицо — рослый, плечистый подросток. В глубине садика между двумя кленами протянута веревка, и паренек то и дело прыгает через нее. Зовут его Игорь Кашкаров.

Веревка между кленами, постепенно поднимаясь, доползла до 145 сантиметров. Для самоучки, который только понаслышке был знаком с прыжком в высоту, это было совсем неплохо. Его послали на областные школьные соревнования, и там 16-летний Кашкаров победил с отличным результатом — 160 сантиметров.

Юрий Степанов.

Спустя два года Кашкаров, закончив с отличием Дятьковский индустриальный техникум, стал студентом Московского энергетического института. В прыжках в высоту он поднялся до 183 сантиметров, но дальше двинуться не мог. Разумеется, и это было много, но Кашкарова такой результат не радовал. Он тоже страстно любил прыгать, тоже видел в этом свое спортивное призвание и жаждал большего.

Кашкаров обратился за помощью к Э. Рохлину — большому специалисту «волны», в свое время чемпиону и рекордсмену страны. Спустя некоторое время Кашкаров прыгнул на 193 сантиметра. Но это был уже девятый вал, выше «волна» вряд ли могла его поднять.

Тогда Игорь Кашкаров обратил свой взор к перекидному способу. Освоил он его довольно быстро, и результат не заставил себя долго ждать: планка поднялась еще на 2 сантиметра. Теперь он тренировался под руководством опытного наставника В. Дьячкова. И настал день, когда и Кашкаров поверил, что он может осуществить ту же заветнейшую мечту.

Рубикон перейден...

Какая же это была мечта? На этот вопрос трудно ответить одной фразой.

Вряд ли есть другой вид легкой атлетики, где психологический фактор играл бы столь важную роль, как в прыжке в высоту. Ведь самый ответственный момент — переход через планку — длится считанные доли секунды, и спортсмену нужно в каком-то вдохновенном порыве сконцентрировать в точнейшем фокусе все, что он умеет, все, на что способны его воля, разум и послушное им тело.

Но дело не только в этом. Никто не требует от бегуна, чтобы он пробежал дистанцию за какое-то наперед заданное количество секунд. Никто не заставляет метателя послать копье за определенную черту.

Прыгун в высоту поставлен в принципиально иные и очень жесткие условия. Ему приходится бороться не только с соперниками, не только с силой земного притяжения. У прыгуна есть еще и третий противник — безжалостно холодный, не прощающий ни одной, самой мельчайшей оплошности. Этот противник — планка. Точно дамоклов меч, висит она над прыгуном, словно ожидая мгновения, когда он собьет ее, чтобы с легким дребезжанием, похожим на торжествующий смешок, упасть на опилки.

Далеко не у всех выдерживают нервы в единоборстве с этим бесчувственным врагом. И очень часто бывает так, что прыгун, перелетев планку с запасом в добрый десяток сантиметров, после прибавления следующих трех сантиметров, когда планка поднимается на высоту, которая прежде была ему доступна, вдруг робеет, теряется и в конце концов выбрасывает белый флаг.

Так вот, двухметровая высота, эталон международного класса, была той крепостью, у стен которой десятки лет суетились наши прыгуны, тщетно пытаясь взять ее приступом. В 1953 году 24 иностранных спортсмена (в том числе 17 американских) преодолели двухметровую высоту, а у нас положение по-прежнему было без перемен. Надо было, чтобы нашелся смельчак, который не убоялся бы злых чар двухметровой высоты, который отыскал бы брод и первым перешел бурную реку, первым переборол этот своего рода «звуковой барьер» и вдохнул уверенность в других. О покорении этой фатальной высоты и мечтали Степанов и Кашкаров.

К началу 1955 года все было готово для последнего штурма. В Ленинграде готовился Степанов, в Москве — Кашкаров, не теряли времени и украинские прыгуны. Выражаясь футбольным языком, «назревал гол». Словом, был близок рекорд, и не простой, а «золотой» — двухметровый.

И летом 1955 года крепость пала! Кто же оказался победителем? Не Степанов и не Кашкаров, а молодой украинский спортсмен Владимир Ситкин — прыгун редкой природной одаренности. Правда, прошло меньше минуты, и Степанов повторил этот результат, а затем тут же поднял рекорд страны еще на 2 сантиметра!

Это была колоссальная победа. Триумф Степанова и Ситкина окрылил многих. Вскоре победители приняли в свою компанию Кашкарова, а затем в том же году высоту 2 метра преодолели еще три прыгуна.

В следующем году Кашкаров довел рекорд страны до 210 сантиметров, выдвинувшись в число сильнейших прыгунов мира. Трон американского рекорда зашатался...

«Взрыв»

Это был необыкновенный год — год Спартакиады народов СССР и XVI Олимпийских игр. Как известно, золотой олимпийской медалью завладел рекордсмен мира Чарльз Дюмас, прыгнувший на высоту 212 сантиметров.

Кто знает, может быть, судьба первых мест сложилась бы иначе, если бы среди участников оказался Степанов. Но он не поехал в Мельбурн. Что случилось? Почему такой срыв?

Срыва не было, была беда. На Спартакиаде Степанов перед финальными состязаниями вышел на разминку. Он прыгнул через планку, потом, нахмурившись, подошел к судейскому столику, предупредил, что не будет выступать, переоделся и ушел со стадиона. В этот же вечер он уехал в Ленинград.

Да, это была беда. У Степанова уже год побаливало бедро левой ноги. Боль то вспыхивала, то отпускала. И вот на разминке нога вдруг заныла так сильно, что о дальнейшем участии в соревнованиях нечего было и думать.

Степанов вернулся в Ленинград мрачным. Но в его неудаче было, быть может, заложено зерно его будущего триумфа. Ведь если считать, что прыжок в высоту — это своеобразный «взрыв» психических и физических сил спортсмена, то, значит, надо беречь взрывную энергию, накапливать заряд.

Вернувшись домой, Степанов все свободное время посвящал упражнениям. Он занимался со штангой, укреплял мышцы спины, живота. На каждом занятии массировал больную ногу, напрягал ее, постепенно усиливая нагрузку. И боль становилась все глуше и глуше, а потом исчезла совсем.

Одновременно Степанов совершенствовал и технику прыжка. Он близился к тому долгожданному моменту, когда перекидной способ в его интерпретации должен был засверкать всеми своими яркими красками.

Все это в сочетании с неутоленной жаждой борьбы обещало неминуемо привести к «взрыву». Секунде предстояло подвести итог годам...

И это произошло 13 июля нынешнего года, в роковой для Дюмаса день, на дружеском матче легкоатлетов Ленинграда и Хельсинки. С волнением следили многочисленные зрители за поединком Юрия Степанова с финном Эйно Симелиусом. Рослый финн был почти на голову выше Степанова, но быстро уступил своему сопернику. Единственным хозяином высоты стал Степанов.

Взяв высоту 204 сантиметра, он попросил поставить планку сразу на 211 сантиметров — выше рекорда СССР! Когда судья вывесил бирку с этой цифрой, трибуны ответили вздохом. У одних (очень немногих) вздох этот выражал восхищение смелостью прыгуна; другие же (их было большинство) вздохнули с нескрываемым разочарованием: «Зачем горячиться? Ведь не возьмет же!..»

Владимир Ситкин.

Степанов разбежался, взлетел и... сбил планку. Он отошел в сторону, опустил голову, задумался. В чем дело? Ведь все готово к этой минуте, он ждал ее так долго и чувствует себя, как никогда, хорошо.

Он тут же делает вторую попытку — и торжествующий вопль сотен глоток возносится к небу. Он не успел еще соскочить с опилок, а к нему уже неслись корреспонденты, фоторепортеры, вынырнувшие откуда-то мальчишки. Стойте, это еще не все! Сообщив судьям, какую ставить высоту — 216 сантиметров — выше рекорда мира! — Степанов убежал от непрошеных гостей на другой конец стадиона.

Когда шум утих, он вернулся и лег на траву. Он хотел собраться с мыслями, настроиться на нужную волну. О чем думал он в эти трепетные минуты? Этого не знает никто. Зато хорошо известно другое. Известно, что, поднявшись, Степанов с подчеркнутым спокойствием снял вязаный костюм, сделал перед началом прыжка несколько махов руками, разбежался, взлетел и с какой-то прямо-таки неправдоподобной простотой и легкостью — с запасом в ладонь! — перешел планку. Внешне все выглядело до обидного прозаично. И, может быть, именно поэтому зрители не сразу осознали, что случилось. Степанов уже поднялся, уже пошел к скамейке с одеждой, не сводя зачарованных глаз с недвижимой планки, а вокруг все еще царила странная тишина.

И вдруг! Нет, невозможно описать то, что началось потом. Люди кричали, обнимали друг друга, кидали в воздух кепки. А потом толпа неудержимо хлынула на стадион. Милиционеры не кричали: «Граждане! Не нарушайте!» Вместе со всеми они бежали к рекордсмену мира. Десятки рук подняли его в воздух и понесли к выходу. На этой высоте он чувствовал себя неуютно, куда хуже, чем над двухметровой планкой, однако не покориться было нельзя.

Но верилось с трудом...

Так рухнула гегемония американских прыгунов. Так история советской легкой атлетики в знаменательную годину обогатилась самым выдающимся рекордом за все 40 лет. Так Юрий Степанов, прыгнувший вопреки поговорке выше головы (на целых 33 сантиметра!), стал вдруг едва ли не самым популярным легкоатлетом в мире.

Но трудно отвыкать от многолетних привычек. Трудно примириться с утратой 62-летнего «сташа». Рекордный степановский взлет был настолько неожиданным, что в него отказывались верить. Словом, скептики встрепенулись. В зарубежной прессе появилось немало высказываний, приписывавших изумительное достижение Степанова якобы гимнастическому характеру его прыжка и даже... подошве его туфли.

Нужны были доказательства. Доказать свою правоту было очень просто и очень трудно: необходимо было еще несколько раз преодолеть высоту экстракласса — 210 сантиметров. И Степанов установил еще один, хотя и не официальный, рекорд: в течение одного лета он на трех соревнованиях подряд взлетал выше 210 сантиметров.

Но это же осуществил и Игорь Кашкаров! Когда Степанов побил мировой рекорд, Кашкаров, как и всякий советский спортсмен, был, конечно, горд этой выдающейся победой. Но к радости — никто за это не бросит в Кашкарова камень — примешивалась досада: ведь Степанов побил и всесоюзный рекорд Кашкарова.

И началась своеобразная дуэль, за которой неотступно следил весь спортивный мир. На III дружеских играх в Москве оба замечательных прыгуна взяли одну и ту же высоту — 213 сантиметров, выше, чем Дюмас на последних Олимпийских играх. Вскоре же Кашкаров вскарабкался еще на один сантиметр. А потом скептики смогли воочию, так сказать, «на ощупь», убедиться в изумительном мастерстве «аяксов из России»: на матче в Лондоне Степанов и Кашкаров прыгнули оба на высоту 211,4 сантиметра, а вскоре же на университетских играх в Париже Степанов преодолел планку на высоте 212 сантиметров (прыжка на такую высоту во Франции еще не видели), причем вызвал всеобщее восхищение своим стилем.

А в самом конце сентября дуэт превратился в трио: Ситкин на первенстве Украины взял высоту 215 сантиметров, показав второй результат в мире в этом сезоне.

Сорвалась и попытка «на ходу оторвать» подошву у Степанова: после горячей дискуссии выяснилось, что прыгуны многих стран, в том числе и сами американцы, давно уже пользуются утолщенной подошвой, которая отнюдь не служит трамплином, а только позволяет более плотно ставить ногу перед толчком.

...Когда человек взбирается на вершину, царящую над окрестностью, ему кажется, что она упирается в самое небо, и нет гор выше нее. Но вот он достигает цели, удовлетворенно оглядывается вокруг и вдруг видит в манящей дали еще более высокие вершины. И в душе вновь вспыхивает острое желание — покорить и эти высоты.

Совсем недавно наши прыгуны мечтали только о том, чтобы взобраться на высоту «200». Но вот покорен и этот пик и другие, еще более величественные вершины, и передовой отряд стоит уже у подножия высоты «218». Взгляните, вон они начинают восхождение: первым Степанов, за ним — Ситкин, Кашкаров, еще одиннадцать «двухметровых богатырей», а там, пониже, сотни других, совсем еще молодых витязей, тоже мечтающих испытать свои силы в трудной борьбе. Доброго вам пути, друзья!..

В. Серов Декрет о мире

В. Серов. Декрет о земле

В. Серов. Последний выход Керенского

Г. Г. Нисский. Перед Москвой, февраль

РАССКАЗЫ С МЕКСИКАНСКОГО ПОБЕРЕЖЬЯ

Эрскин КОЛДУЭЛЛ

Рисунки В. ВЫСОЦКОГО.

Последняя годовщина

В углу Анни громко стучала по столику пустой пивной бутылкой. Буфетчик Ник направился туда.

— Чего тебе, Анни? — спросил Ник.

— Еще пива! — выкрикнула она хриплым голосом.

— Нет, Анни,— ответил он ей, покачав головой.

— Я сказала, что хочу еще пива.

— А я сказал «нет», Анни.

— Иди ты к черту! — сказала она с горечью.

Ник присел к столику.

— Послушай, Анни,— сказал он ласково.— Я твой друг, и я хочу, чтобы тебе же было лучше. На сегодня хватит. Понимаешь? Ты уже довольно выпила. Приходи опять завтра вечером.

— А иди ты к черту! — завопила она на него.

Он выждал с минуту, прежде чем снова заговорить, и затем нагнулся ближе к ней.

— Полегче, Анни,— сказал он умоляюще и сочувственно погладил ее по руке.— Если ты меня послушаешь, все будет в порядке. Мне очень не хочется, чтобы ты тут поднимала шум, это только кончится большими неприятностями для тебя. Явится полиция, а ты сама знаешь, чем это пахнет. Кроме того, если я не смогу поддерживать в своем баре тишину и порядок, у меня отберут разрешение. Ну, будь умницей и иди домой по-хорошему. Пожалуйста, Анни, ради меня!

Она замахнулась на него сумкой, но он вовремя отодвинулся.

— У меня нет дома, ты сам это знаешь!

— Тогда иди туда, где ты обычно ночуешь.

— Ты что, требуешь, чтобы я ушла? — запальчиво спросила она.

— Я не требую, Анни,— сказал он терпеливо,— я прошу.

— Я тебе снова говорю, иди к черту, и чтобы я тебя больше не видела! — закричала она на него.

Один из мужчин, игравших в карты за соседним столиком, обернулся и окликнул Ника. Это был высокий человек с мрачным лицом.

— А ну-ка выкинь эту старую пьяную дуру отсюда. Чего она здесь разоралась? Сколько можно это слушать?

— Сейчас я все улажу,— ответил ему Ник.

Некоторые из посетителей, обернувшись через плечо, наблюдали за происходящим: Ник старался вытащить Анни за руку на улицу. Анни же твердо решила остаться и яростно вырывалась.

— Если ты не можешь от нее сам избавиться,— сказал высокий,— так поищи когонибудь, кто сможет. С меня хватит.

— Послушай, Анни,— сказал Ник спокойно,— знаешь, что я сделаю, если ты будешь вести себя как следует? Я дам тебе еще одну бутылку пива, если ты обещаешь после этого уйти. Ну что, разве это не справедливо, Анни?

— Ладно, — согласилась она, улыбаясь ему через стол. — Ладно, — что справедливо, то справедливо. Ты не знаешь, почему это справедливо? Хочешь, я тебе скажу? Сегодня моя годовщина, и я ее справляю.

— Что справляешь, Анни? — спросил он ее.

— Справляю двадцатую годовщину. А двадцатую годовщину надо справлять пышнее всех предыдущих, как ты думаешь?

— Вероятно, да, Анни,— согласился он.— Но только годовщина чего? Ты ведь никогда не была замужем.

— Вот это-то я и справляю,— сказала она, медленно качая головой. — Именно это.

— Что ты хочешь сказать, Анни?

— Годовщину того, что я не вышла замуж.

Ник озадаченно глядел на нее.

— Ты, видно, совсем одурела, Анни, — сказал он.— Ну кто бы стал справлять такое?

— Это уж мое дело,— сказала она с горечью,— и ты не суй нос в мои дела.

Он встал.

— Я не хотел лезть не в свое дело, Анни,— сказал он извиняющимся голосом.— Я просто заинтересовался, потому что я никогда ничего подобного не слышал. Может, хочешь рассказать мне, почему это так?

— Я же тебе сказала, иди к черту! Там твое место. Почему ты не делаешь, как я тебе сказала?

— О, господи! — сердито проворчал за соседним столиком высокий, повернувшись на стуле и сверкнув глазами на Ника. — Или заткни эту старую пивную бочку, или выкинь ее на улицу!

Ник подошел к прилавку и откупорил бутылку пива. Потом отнес ее в угол и поставил на стол перед Анни. Она отсчитала из сумки несколько монет и небрежно кинула деньги на стол. Ник подобрал мелочь и вернулся за прилавок.

Допив почти все пиво, Анни качнулась и уронила голову на стол. Закрыв лицо руками, она начала плакать. Как бы она ни старалась объяснить, никто не мог понять, какое глубокое и мучительное горе было у нее на сердце.

Она была прелестной молоденькой девушкой и первый раз в жизни любила. Переносить часы разлуки с Сиднеем она могла, только думая о своей любви к нему и мечтая о том, как они поженятся и будут всегда вместе.

Потом ему пришло время уезжать в университет. Был конец лета, и они оба понимали, что это разлука надолго.

Всю ночь накануне его отъезда они провели вместе на берегу моря. Они лежали, обнявшись, плотно укутанные пледом, и полная луна ярко и благосклонно светила им.

— Обещай мне одну вещь, Анни, — сказал Сидней под конец этой бессонной ночи.— Это — единственное, чего я хочу, и больше мне ничего во всем мире не надо. Обещаешь, Анни?

— Я обещаю тебе, что угодно, Сидней,— ответила она от всего сердца и еще крепче обняла его.— Я так тебя люблю, что обещаю тебе, что угодно, даже не зная, что!

После этого, прежде чем сказать что-нибудь, он долго целовал ее в пылающие щеки и теплые губы.

— Ты все еще согласна обещать, Анни? — спросил он немного погодя.

— Да, Сидней,— прошептала она,— в чем дело?

— Я хочу, чтобы ты мне обещала быть моей и ждать меня,— сказал он ей.— Что бы ни случилось, я хочу знать, что ты всегда будешь принадлежать мне, Анн.

— Я всегда буду твоей,— сказала она.

— Обещаешь?

— Обещаю, Сидней! — поспешно ответила она. — Обещаю! Обещаю! Моя любовь всегда будет с тобой, потому что я отдала ее тебе сейчас, и она твоя на всю жизнь. Я никогда не отниму у тебя свою любовь, что бы ни случилось. Только ты сам сможешь вернуть ее мне — вот мое обещание, Сидней.

— Даже если я уеду и что-нибудь вдруг случится и я не вернусь больше? — спросил он.

Она так и затрепетала в его объятиях.

— Не говори такого, Сидней! — в ужасе молила она.— Пожалуйста, не говори такого!

— Ну, конечно же, я вернусь, Анн,— успокоил он ее.— Только всякое случается, иногда помимо воли. Ты сама знаешь.

— Мне все равно,— сказала она, крепче прижимаясь к нему.— Я никогда не отниму у тебя свою любовь, только ты сам можешь

вернуть ее мне, если она тебе больше не будет нужна. Вот как я тебя люблю...

Они долго молча лежали и смотрели на луну, которая ярко светила над ними. Тихо плескавшаяся у берега вода, казалось, была очень далеко.

— И раньше бывали случаи, когда людям так же, как нам, приходилось расставаться, и это оказывалось им не под силу,— сказал он немного погодя.— Так вот, если это случится, может быть, ты найдешь кого-нибудь, когда больше не сможешь выносить одиночества. Что-нибудь в этом роде может случиться, Анн. Четыре года — это большой срок.

— Я буду ждать, Сидней, — настойчиво повторила она. — Сколько бы мне ни пришлось, я буду ждать тебя. Если даже ты уедешь, и не вынесешь одиночества, и найдешь кого-нибудь, на ком тебе захочется жениться, и не вернешься, я все равно буду ждать, потому что я отдала тебе свою любовь и хочу, чтобы она оставалась у тебя. Я буду ждать десять, пятнадцать, двадцать лет.

— Неужели ты согласна так долго ждать меня?

— Да, милый, двадцать лет!

Из угла раздался пронзительный крик, и все повернулись, чтобы посмотреть, в чем дело. Анни стояла во весь рост и колотила по столику пустой бутылкой. Потом бутылка разбилась, и десятки осколков рассыпались по столику и полетели на пол.

— Верни мне мою любовь! — кричала Анни в страшном возбуждении.— Я должна теперь получить ее обратно! Я больше не могу так! Она была с тобой двадцать лет! Я ждала столько, сколько обещала! Отдай, отдай же!

— Заткнись ты, старая пьяная дура! — закричал на нее высокий из-за соседнего столика.

Ник кинулся в угол. Он схватил Анни за обе руки и начал трясти ее осторожно, но настойчиво, пока она, обессилев, не опустилась на стул.

— Ну-ка, Анни,— сказал он, успокаивающе похлопав ее по плечу,— посиди-ка здесь немного спокойно.

— А моя любовь? Где она? Я хочу получить ее обратно! Я прождала все это время! — сказала она жалобно.

— Что это ты бормочешь, Анни, я не понимаю,— сказал он, покачав головой.— Может быть, я мог бы тебе помочь, если бы знал, в чем дело.

— Никто не понимает, никто! — зарыдала она.— Но я-то знаю. Ну, пожалуйста, верни мне мою любовь, я должна получить ее теперь обратно!

Все присутствовавшие в баре прислушивались к тому, что лепетала Анни, стараясь понять, в чем дело, а некоторые мужчины подошли поближе. Высокий с мрачным лицом вышел из-за стола и встал рядом с Ником.

— Почему ты разрешаешь этой пьяной старой дуре разводить такой бедлам? — строго спросил он.— Мне придется перекочевать в другое место, если ты от нее сейчас же не избавишься. Так не содержат баров.

— Сейчас я все улажу,— сказал Ник.

— Действуй, да поскорее, — сказал высокий, поворачиваясь и отходя к своему столику. — Потому что мне это надоело. Вообще на свете развелось что-то слишком много старых дур.

Ник позвал своего помощника и велел ему принести бутылку пива. А пока он гладил Анни по плечу.

— Ничего, Анни,— сказал он, стараясь успокоить ее.— Тебе приснился дурной сон, но теперь все прошло.

— Это не сон. Это было!

— Ну, ладно, Анни, пусть было, раз ты так хочешь. Все равно — все прошло.

— Это не может пройти, пока я не получу ее обратно, ну как ты не понимаешь? — спросила она, умоляюще заглядывая ему в лицо. — Я должна получить ее обратно. Я не могу больше этого выносить, ни одного дня!..

Ник взял у помощника бутылку и налил немного пива в стакан.

— Выпей-ка немного, Анни, холодного, — уговаривал он, поднося стакан к ее губам. Она жадно осушила его. — Ну, теперь все будет хорошо, Анни, потому что я усажу тебя в такси и отправлю домой. Когда ты приедешь, все будет хорошо.

Благодарно улыбнувшись, она без сопротивления позволила ему поставить себя на ноги и проводить до двери. Когда они вышли на улицу, он усадил ее в автомобиль, ожидавший за углом, и затем уплатил шоферу.

— Спокойной ночи, Анни,— сказал Ник, похлопав ее по плечу.— Поезжай домой, ложись спать, и пусть тебе приснится хороший сон.

Внезапно ее глаза наполнились слезами.

— Если бы я только могла поцеловать тебя, я бы знала, что получила свою любовь обратно, — пробормотала она, цепляясь за его руку. Качнувшись вперед, Анни повисла у него на шее и начала целовать его раз за разом, пока наконец он не оттолкнул ее на сиденье автомобиля.— Вот она. Наконец-то она вернулась ко мне — двадцать лет прошло,— сказала она, и на ее мокром от слез лице появилось задумчиво-счастливое выражение.— Теперь она моя. Двадцать лет!

Ник кивнул шоферу, и такси исчезло в ночной мгле.

Вернувшись в бар, он постоял у двери, глядя на столик, где еще недавно сидела Анни. Один из посетителей бросил монетку в проигрыватель. Певица радостно запела о том, как она счастлива, потому что у нее есть кого любить. Когда Ник почувствовал, что больше не может слушать, он подошел к проигрывателю и остановил пластинку.

Перевела с английского **М. МИРОНОВА.**

Ради чистого спорта

Все в Дельте знали Вика Шора, и если кто-нибудь в городе недолюбливал его или имел против него зуб, то держал это в большом секрете все последние двенадцать — пятнадцать лет.

Вик был беззаботный, добродушный, круглолицый холостяк лет пятидесяти. У него была маленькая, на одно кресло, парикмахерская рядом с почтой. По правде говоря, Дельта была небольшим местечком, и парикмахерская Вика была единственной в городе. Вик Шор любил свое ремесло и уверял, что получает удовольствие, исполняя для других людей работу, которую им чертовски трудно делать самим. Однако свои собственные волосы он подстригал чрезвычайно редко, и рыжеватый вихор с каждым годом свисал все ниже и ниже ему на лоб.

Когда Вику надоедало стричь и брить, он запирал входную дверь и опускал наполовину зеленые шторы. Затем садился в парикмахерское кресло и откидывал его назад, как для бритья. Остаток дня он проводил за чтением правил бейсбольной лиги, удобно растянувшись в кресле и высоко задрав ноги. Правила он заучивал наизусть, читая их страница за страницей и повторяя с закрытыми глазами. Вику было совершенно все равно, сколько клиентов колотило в дверь парикмахерской, крича, что они идут на свадьбу или на похороны и что им нужно только постричься или побриться; он не обращал ни малейшего внимания на шум, который они производили.

В жаркие месяцы — с мая по сентябрь — Вик постоянно запирал парикмахерскую (это нередко случалось и в самое оживленное время — в субботу после обеда) и уходил судить бейсбольные игры между полупрофессиональными командами Дельты или других городишек округа.

Основная причина, почему его всегда приглашали судить игру — помимо того, что он никогда не требовал вознаграждения за свои услуги, говоря, что он делает это ради чистого спорта,— заключалась в том, что он всегда старался угодить обеим командам. Если какая-нибудь из сторон не соглашалась с решением, которое он принимал в острый, напряженный момент, Вик останавливал игру и предоставлял игрокам обеих команд поносить его сколько душе угодно и употреблять при этом отборнейшие ругательства, пока наконец им не надоедало спорить и они не выражали желание возобновить игру. За все годы, пока он был судьей, Вик ни разу не прикрикнул на игрока, вступившего с ним в спор, и тем более никогда не удалял его с поля. Он всегда утверждал, что чистый спорт был для него выше всего, поэтому он не мог допустить, чтобы личные чувства оказывали какое-то влияние на его поведение как судьи.

Нередко бывали случаи, когда игра прерывалась на полчаса, а то и больше; тогда Вик усаживался на место подающего, сдвигал судейский козырек на затылок, вынимал из бокового кармана книжку правил и сидел так, погрузившись в чтение, пока игрокам не наскучивала перебранка и они не заявляли, что принимают его решение. Но даже независимо от этого Вик всегда компенсировал потерпевшую сторону, присуждая в ее поль-

зу следующий спорный мяч, таким образом к концу игры он уравнивал положение обеих команд, и в результате все игроки заканчивали матч в чудесном настроении.

После матча у него в парикмахерской обычно собиралась толпа болельщиков, которые без конца обсуждали все моменты игры и судейские таланты Вика. Но, о чем бы ни заходила речь, Вик всегда утверждал, что судить бейсбол — это все равно, что стричь клиентов.

— Хороший, надежный парикмахер может угодить в одно время только одному клиенту, — объяснял он им. — Так же и с бейсболом — угождать одновременно можно только одной команде.

— Ну, а вся эта суетня и руготня, Вик? — спрашивал кто-либо. — Ты же сам знаешь, что бейсболисты обладают запасом самых отборных ругательств и пускают их в ход, разговаривая с судьей. Неужели тебя это ничуть не беспокоит? Мне всегда кажется, что ты вот-вот выйдешь из себя и погонишь их с поля.

— Я спортсмен и давно привык к таким выражениям,— отвечал им Вик.— Меня это ничуть не трогает. Все, что судья может услышать на бейсбольном поле, я уже слышал. Кроме того, ругательства и проклятия являются такой же частью игры, как нагрудник и наколенник принимающего, и если бы я попытался запретить ругаться, это только повредило бы чистому спорту.

Самым большим событием этого лета был приезд двух странствующих женских софтбольных команд, которые должны были выступить в Дельте в показательном матче неделю спустя после Дня независимости — 4 июля. За несколько дней до игры в Дельту приехал организатор турне и развесил по всему городу афиши, извещающие о том, что между «Королевами Луизианы» и «Розами Флориды» состоится матч.

Места на открытых и закрытых трибунах бейсбольного стадиона были рассчитаны приблизительно на пятьсот зрителей, но к началу игры было продано двойное количество билетов, и половине зрителей пришлось сидеть на земле вокруг самого спортивного поля или разместиться на заборе, окружавшем стадион. Организатор турне сказал, что хочет пригласить кого-нибудь из местных судей, чтобы болельщики были уверены в том, что игра ведется честно и по всем правилам, и, как только он услышал про Вика Шора, он, естественно, обратился к нему.

Вик назубок знал все до последнего правила софтбола — все эти годы он только тем и занимался, что изучал официальные правила обеих игр. Поэтому судить матч между двумя женскими командами не представляло для него никакой трудности.

В назначенный день «Королевы Луизианы» и «Розы Флориды» явились к двум часам на поле в полной готовности.

Очень немногие из обитателей Дельты видели когда-нибудь профессиональный матч в софтбол между двумя женскими командами, но игра была настолько похожа на бейсбол, что к концу первой очереди подачи мяча уже каждый из присутствующих выбрал себе девушку, за которую собирался болеть, и каждый раз, когда кто-нибудь из них показывал хороший класс игры, стадион оглашался восторженными криками.

Кроме того, в течение многих лет зрители видели только игру мужчин, одетых в мешковатые бейсбольные костюмы, поэтому им было приятно и интересно наблюдать, как бегают по полю голоногие девушки в ярких, плотно облегающих шелковых штанишках.

Первые четыре подачи прошли очень гладко, и никто ни разу не опротестовал решения Вика Шора, несмотря на то, что были спорные моменты, которые без сомнения вызвали бы возражения со стороны игроков мужских команд. Но вот в начале пятой подачи тоненькая темноволосая девушка из команды «Роз» сделала неправильный удар и за это была отослана на первую линию. Во всяком случае Вик Шор приказал ей удалиться туда. Все признавали, что в данном случае было нелегко вынести решение в пользу той или другой команды и что Вик поступил правильно.

«Королевы» ожидали возобновления игры, как вдруг на скамейке, где сидели «Розы», началось волнение и шум. Немедленно вслед за этим капитан «Роз» выбежала на поле, возбужденно размахивая руками и громко протестуя против решения Вика Шора.

Вик с удивлением уставился на девушку, вид у него был такой, как будто бы он не знал, куда ему деваться. Он стоял растерянный и смотрел, как «Розы» плотной стеной окружают его. К тому времени на поле начался такой шум, что зрители не могли ничего разобрать в сплошном крике; однако большинство уселось на свои места и стало ждать, чтобы суматоха улеглась, полагая, что это просто временная задержка. Все считали, что такой опытный судья, как Вик Шор, сумеет быстро угомонить расходившихся девушек и через несколько минут «Розы» вернутся на свое место и игра возобновится.

Однако этого как раз и не случилось. В разгар всей этой суматохи Вик внезапно сдернул с головы судейский козырек, с силой швырнул его на землю и, шагая, как на ходулях, покинул поле, ни разу даже не оглянувшись.

На стадионе стояла глубокая тишина, когда Вик, перепрыгнув через забор с левой стороны, скрылся в направлении своей парикмахерской. И, наверное, потому, что для судьи настолько необычно уходить с поля посередине игры, потребовалось довольно много времени, прежде чем зрители уяснили себе, что случилось. Наконец после двадцатиминутного перерыва игра возобновилась. Организатор турне убедил преподавателя гимнастики старших классов Дельтской школы занять место Вика, и после этого больше не было ни одного протеста со стороны обеих команд. «Королевы Луизианы» выиграли матч со счетом 5 : 3.

Как только игра закончилась, в город, в парикмахерскую Вика Шора, устремилась целая толпа. Вик, откинув назад кресло, лежал в нем, удобно растянувшись, и читал правила игры в бейсбол. К тому времени в парикмахерскую уже набилось десятка полтора людей и столько же стояло за дверью и заглядывало в окна.

— Почему же, черт возьми, так получилось, Вик? — спросил его кто-то. — Что заставило тебя бросить судейство в разгар игры? В жизни своей никогда не видел, чтобы судья вдруг взял да перестал судить...

— Я спортсмен,— спокойно сказал Вик, поднимая глаза от книги с правилами,— и, когда мне приходится реферировать игру, я всегда стараюсь вести себя, как спортсмен, потому что этого требует чистый спорт. Но эти барышни, эти барышни, которые играли в софтбол...

— Что они тебе говорили, Вик? — спросил его кто-то еще.— Они что, ругались?

— Конечно, нет,— ответил он, важно покачивая головой.— Они же барышни. Барышни не ругают судей.

— Что же они сказали тебе такого, что ты ушел с поля, Вик?

Отпустив рычаг кресла, Вик привел его в вертикальное положение, и внезапно оказалось, что он сидит совершенно прямо. Он положил книжку с правилами в карман.

— Я скажу вам, что они говорили,— ответил он, кивая стоявшим вокруг него болельщикам.— Одна из этих девушек — знаете, хорошенькая, рыженькая, с зеленой лентой в волосах,— так вот, она подошла ко мне почти вплотную и протянула руку, а когда я спросил ее, зачем она это делает, она сказала, чтобы я отдал ей свои стеклянные глаза и она протрет их. Затем другая девушка — блондинка с пышными формами — тоже подошла вплотную и спросила, не страдал ли я бессонницей несколько последних ночей. Я спросил, зачем ей надо это знать, и она сказала, что я вел себя так, словно пытался наверстать упущенное. Они задали мне еще много подобных вопросов и продолжали бы в том же духе без конца, если бы я не ушел с поля.

— Ерунда, Вик! — сказал кто-то со смехом.— Это же сущие пустяки. Мне приходилось слышать, как бейсбольные игроки, взбесившись, говорили судьям вещи в тысячу раз похуже... Это просто старомодная манера ругаться, и больше ничего. Скажешь, нет?

— Правильно,— согласился Вик, медленно покачивая головой. — Я знаю, что когда бейсбольный игрок говорит вещи, куда хуже, это абсолютно ничего не значит, но когда их говорит девушка, — это совсем другое дело.

— Почему же это — другое дело? — спросили его.

— Потому что эти девушки улыбались, когда говорили,— вот почему! Все эти девушки до одной подходили ко мне вплотную и очень мило улыбались, когда говорили что-нибудь. Я не мог этого вынести; получалось, что они говорят всерьез, совершенно всерьез. Мне нипочем, когда мужчины-игроки разносят меня на все корки. Я на это не обращаю внимания, я знаю: они твердо уверены, что делают это ради чистого спорта,— но эти девушки-софтболистки, им наплевать на чистый спорт! Все, что им нужно,— это только выиграть!

Перевела с английского
В. ЕФАНОВА.

В долине Келигай. Афганские крестьяне наблюдают за работой советских машин

ДОБРЫЙ СОСЕД

М. СЕМЕНОВ

Фото автора.

Путь от Москвы до Кабула велик, вероятно, он превышает три тысячи километров. Но это не значит, что афганская столица расположена за тридевять земель: ведь Афганистан — наш сосед. Полет из Термеза, где самолет делает последнюю остановку на советской земле, занимает всего час двадцать минут. Выходит, что Кабул очень близко. Связи между Кабулом и Москвой становятся все более оживленными.

Афганский крестьянин.

Летчики рассказывают, что в каждый рейс самолет отправляется переполненным. В Советский Союз едут чиновники столичных учреждений Афганистана, купцы, ученые и преподаватели. Из нашей страны — специалисты, научные работники, дипломаты. Много транзитных пассажиров, направляющихся в Дели, Карачи. Вот и на этот раз вместе с нашей группой советских журналистов в Кабул прилетели индийские артисты, возвращающиеся из Москвы. В Кабуле они дадут несколько концертов.

В аэропорту нас встречают представители департамента печати, редакторы кабульских газет, журналисты. Среди встречающих много «москвичей». Широко улыбаясь, идет господин Абдулхамид Махмур — директор телеграфного агентства Бахтар. По приглашению ТАСС он вместе с группой работников агентства гостил в советской столице около месяца. Заместитель директора департамента печати господин Шализи, по специальности лингвист и историк, жил в Москве в течение двух месяцев, консультируя документальный фильм «Афганистан». Редактор распространенной газеты «Анис» господин Ваджед передает нам привет от господина Роушана, своего предшественника. Роушан много путешествовал по Советскому Союзу и опубликовал серию очерков о Советской стране. Недавно он уехал в Париж в качестве пресс-атташе афганского посольства и очень сожалел, что не сможет с нами встретиться в Кабуле.

Пока выгружали багаж, мы остановились в тени пакгауза. Мимо прошла группа юношей, о чем-то оживленно беседовавших.

— Это наши студенты,— сообщил представитель департамента печати господин Зурмати.— Завтра летят в Москву, будут учиться в Московском университете. Видите, как им не терпится: приехали заранее сдать свои чемоданы...

При встречах со всеми этими людьми не обошлось, конечно, без воспоминаний о времени, проведенном нашими гостями в Советском Союзе. И все они, собственно говоря, высказывали ту же мысль, что и мы: Москва — это близко...

Афганистан в буквальном переводе означает страна афганцев. Путешественник обычно прибавляет и такое определение: страна гор. Человек здесь никогда не был баловнем природы: скупая и суровая, она неохотно отступала перед ним. Чтобы пасти скот, выращивать хлеб, строить жилища, люди издавна должны были довольствоваться узкими горными ущельями или каменистыми долинами, где, низвергаясь с круч, бегут быстрые ручьи и стремительные реки.

Сама столица государства — Кабул — втиснута между высокими горными хребтами Асмаи и Шердарваза. Вместе с крепостными стенами, остатки которых еще и сегодня видны на гребнях хребтов, они служили надежной защитой городу от вражеских набегов. Кабул — старый город, но за последние тридцать лет его облик быстро меняется. Мы идем по улице, и наши спутники, афганские друзья, с гордостью показывают новые, современные здания: колледжи, технологический институт, общежитие медицинского факультета университета, государственную гостиницу. В городе возникли новые районы Шерпур, Дар-уль-Аман. Дорога в Пагман — летнюю резиденцию короля — ведет мимо белокаменных зданий хлебокомбината, построенного под руководством советских специалистов. Здесь же растут кварталы новых жилых домов.

Сейчас Афганистан осуществляет свой первый пятилетний план. Как никогда, стране нужны теперь квалифицированные кадры.

Мы беседуем с деканом юридического факультета Кабульского университета господином Рахими.

— В прошлом году мы приняли тридцать три слушателя, а сейчас думаем принять сто пятьдесят,— говорит он.— Особенно расширяется подготовка специалистов по таким дисциплинам, как экономика и финансы.

В Кабульской технической школе, готовящей механиков, нам сообщили то же самое: прием в нынешнем году увеличили, людей, знающих технику, берут теперь нарасхват...

Путешественник, намеревающийся совершить поездку по стране, обыкновенно покидает Кабул ранним утром, чтобы часть пути проделать до наступления полуденного зноя. Последовали этому обычаю и мы. Едва забрезжил рассвет, а наш автомобиль уже мчался по пустынным улицам афганской столицы.

У бензоколонки в два ряда выстроились автобусы — для них еще не наступило время начать

свой трудный и опасный путь по капризным, непостоянным афганским дорогам. Проложенные в узких горных долинах, здешние дороги часто выходят из строя из-за осыпей и разливов бурных речек.

Естественно, что в Афганистане, не имеющем собственной автомобильной промышленности, можно увидеть машины самых различных фирм. Вот мимо нас с ревом проносится запыленный «Ярославец», неся на своих плечах двух меньших собратьев, не выдержавших сурового афганского дорожного климата и срочно нуждающихся в лечении. На помятом кузове одного из них мы успели прочесть: «Кадиллак».

Советские грузовики здесь очень популярны. Но, попав в страну, наши машины подвергаются своеобразной реконструкции. Прежде всего борта грузовика наращиваются и сверху покрываются деревянным настилом. Потом образовавшаяся площадка обносится высокими перилами. В «трюме» транспортируется различная кладь, а на площадке едут пассажиры. Автомобиль, как правило, окрашен в ярко-красную или желтую краску, по которой идет затейливый восточный орнамент и рекламные надписи. Одним словом, наши сборщики с конвейера Минского, Ярославского или Московского автозаводов вряд ли узнали бы в этом фургоне, сильно смахивавшем на цирковой, творение рук своих...

Минуем несколько деревень. В переводе на русский язык их названия звучат совсем по-российски: Светлые Горы, Кузнецы, Садовая... Строения иногда подходят к самой дороге, так что сидящим на веранде чайханы людям приходится подбирать ноги, пропуская автомобиль...

Но это относится главным образом к лавкам, мастерским ремесленников, чайханам. Жилые дома разбросаны в отдалении и, как правило, обособлены друг от друга.

Всем известна английская поговорка: «Мой дом — моя крепость». В Афганистане ее можно применить и в прямом и переносном смысле. Жилище афганца — это настоящая крепость. Глинобитные стены высотой в десять — двенадцать метров образуют правильный четырехугольник. Собственно жилой дом, помещение для домашнего скота и другие хозяйственные постройки — все это спрятано внутри двора. Стены совершенно гладкие и глухие, лишь в одном месте есть узкая, низенькая дверь. Любопытный взор не может проникнуть за эти крепостные стены...

Текстильный комбинат в Пули-Хумри. Юный текстильщик.

Вот на узкой террасе приютилось несколько домиков. Прямо от них по крутому горному склону пробита тропа. Значит, где-то там, за хребтом, расположены поля. Погоняя упрямого ослика, подросток карабкается вверх. За ним идут старик, опираясь на палку, и женщина с какой-то ношей на голове. Нелегко же достается хлеб этой крестьянской семье!

Шоссе поднимается вверх все круче и круче. Достигаем Шибарского перевала. Дует резкий холодный ветер, кругом — снежные вершины.

Мальчишки с корзинами на плечах собирают кизяк. Поодаль от дороги встретились два каравана кочевников. Все их хозяйство — домашняя утварь, палатки — уместилось во вьюках верблюдов. Черноглазые ребятишки, восседающие на самом верху, держат в руках клетки с курами. Женщины погоняют мелкий скот: осликов, коз, овец...

Опять узкие ущелья, опять горы, напоминающие то неприступные крепостные стены, то средневековые замки с зубчатыми башнями, то каменные изваяния сказочных великанов.

Наш спутник господин Зурмати шутит:

— Если бы можно было продавать камни, Афганистан был бы самой богатой страной мира.

Но горы и на самом деле таят в себе огромные ценности. Недра центрального горного массива страны — Гиндукуша — содержат золото, серебро, железо, медь, свинец. Есть в Афганистане и месторождения угля, нефти, хрома, серы. Но значительная часть этих богатств еще не разрабатывается.

Господин Зурмати рассказывает такой случай. Несколько лет назад ему пришлось провожать до границы какого-то английского чиновника. Путь был тяжелый, несколько раз ломался автомобиль, а в одном месте его так тряхнуло, что ларец, в котором англичанин хранил запас крепких напитков, был разбит вдребезги. Англичанин рассердился.

— Странный вы народ, афганцы, — всердцах сказал он. — Ну, что вам мешает проложить здесь хорошие дороги?

— Конечно, нам ничто и никто не мешал это сделать,— отвечал Зурмати.— Пожалуй, никто, кроме вас, англичан.

Гость смутился и уже до самой границы ехал молча...

Мы проехали по горным дорогам сотни километров и видели, как ликвидируется вековая экономическая отсталость страны. Мы видели стальные фермы мостов, перекинутых через стремительные речки, видели рабочих, вооруженных мощной техникой, прорезающих туннели в горных кручах, видели современные гостиницы в Доабе и Бамиане, гидроэлектростанцию на Кундузе, только что пущенный в действие элеватор в Пули-Хумри, белые палатки изыскательских партий на горных плато.

Пройдут годы, и многие из богатств земных недр будут поставлены на службу независимого Афганистана.

* * *

...Надолго сохранится в памяти последний день нашего пребывания в Кабуле. Друзья из Кабульского радио устроили небольшой

прощальный концерт. Его вел уже глубокий старец, искусный домбрист из Мазари-Шерифа Хаким Мозари. Мы слушали Мирзу — шестнадцатилетнего певца из Джелалабада, гератского певца Карима, студента Кабульского университета Сарбаи. Они воспевали родную природу — красоту снеговых гор и чарующую прелесть ее долин, где

Множество чудных цветов
Радует путника взгляд,
Ирисы пышных лугов
Дарят ему аромат...

Когда в руках талантливого музыканта Афганистана Мухаммеда Умара звучал рубаб, то казалось, слышится ритмичный стук копыт спускающегося с гор стада, перекличка пастухов и клекот вздымающихся ввысь орлов. А когда вступила нежная соранда, то мы почти физически ощутили, как тонкий луч солнца проникает в ущелье, озаряя все вокруг волшебным светом и пробуждая к жизни спящую природу...

И снова в этих песнях и музыке возникал перед нами своеобразный облик страны афганцев, слышалось биение большого сердца ее трудолюбивого народа, нашего доброго соседа и верного друга.

В Кабульском колледже «Истикляль». На переднем плане — сын короля Афганистана Захир Шаха.

Идут кочевники.

Зритель смеется

Андрей НОВИКОВ

Фото автора.

— Пойдем сегодня вечером посмотрим «Виндзорских насмешниц»,— сказал я другу.
— А это действительно смешно? — с недоверием переспросил он.
— Разве так уж удивительно, что представление может оказаться смешным? Смотри, что пишет С. Маршак зрителям о спектакле, который подготовлен

Не в Англии, где встарь Елизавета
С надменною улыбкой на лице
Комедию смотрела во дворце,
А в наши дни — в театре Моссовета.

Вот мы и в здании на площади Журавлева. Контролер надорвал билеты, нас приглашают в зрительный зал. Первое впечатление: забыли закрыть занавес. Два актера играют на сцене в кости. А кто-то даже репетирует песенку.

На наших глазах ведущий спектакль А. Консовский просит певца — это оказался Робин, слуга Фальстафа,— замолчать: зал уже полон.

Актеры поднимаются на сцену прямо из зрительного зала. Развертывается представление, полное хлестких шуток, неисчерпаемого шекспировского юмора. Куда ни кинешь взгляд в зале — широко улыбается зритель.

← На сцене идет веселая дуэль Эванса с доктором Каюсом; их роли блестяще исполняют актеры Н. Бродский и С. Цейц.

А вот и Фальстаф, один из бессмертных шекспировских героев:

Четвертый век идет на сценах мира
Веселая комедия Шекспира.
Четвертый век живет старик Фальстаф,
Сластолюбив, прожорлив и лукав.

Забавна сцена, когда Фальстафа запихивают в бельевую корзину.

← Или когда Каюс пролетает через гостиную на канате.

Артист К. Алексеев, играющий толстяка Фальстафа с его неукротимым темпераментом, почти все время в движении.

Немало хлопот и неприятностей доставляют Фальстафу виндзорские насмешницы, роли которых исполняют артистки В. Холина и Н. Ткачева. Но в конце концов вы соглашаетесь с их справедливым заключением:

Пускай отныне будет вам
известно,
Что может женщина веселой быть
и честной.
Верны мужьям шалуньи и
насмешницы,
А в маске благочестья ходят
грешницы.

Антракт. Мы за кулисами. Народный артист Союза ССР Ю. А. Завадский беседует с иностранными гостями, знакомит их с мастерством переводчиков С. Маршака и М. Морозова, рассказывает о режиссерском замысле. Вот что написали гости потом в книге отзывов:

«...Спектакль «Виндзорские насмешницы» в постановке Завадского заставил меня даже понимать русский язык. И мне очень хотелось бы посмотреть его в ближайшее время в моем городе — Милане.

Рафаэле де Гратта, искусствовед».

«...Это та «божественная легкость», о которой говорил Платон.

Чезаре Лупорини, философ».

«...Интерпретация, полная изобретательности, по-новому убедительно раскрывает весь скрытый юмор текста.

Профессор Франческо Флора, литературовед».

«Персонажи типичны, актеры полностью сливаются с образами. Какое мастерство!..

Андрэ Ланглуа, секретарь центрального бюро общества «Франция—СССР».

На снимке слева направо: Андрэ Ланглуа, Ю. А. Завадский, Рафаэле де Гратта и Франческо Флора.

А что происходит в это время в фойе?

— Внимание! Внимание! — кричит зазывала, едва загорелся в зале свет, и публика поднимается с мест.— Только у нас! Только сейчас!..

Выйдя из зала, вы попадаете на... веселую ярмарку, поставленную режиссером А. Шейном. И снова зрителю весело, он смеется от души.

Зрителя ждут забавные впечатления и в «Паноптикуме», где хранятся «реликвии», начиная от большой соски, которую сосал Фальстаф в детстве, до не менее большого счета, представленного ему хозяином трактира «Ордена подвязки».

Художник-моменталист, если вы хотите, напишет ваш портрет, который вы понесете домой, как еще одно приятное воспоминание о спектакле.

Москвичи с азартом играют в фойе с актерами в кости. Выигравший получает шоколадку, проигравший — удар по голове бычьим пузырем. Это совсем не больно!

Свое искусство демонстрирует жонглер-шпагоглотатель. Спектакль закончен. Довольные зрители покидают зал.

На улицах Мисаки.

Японские записи

Л. КУДРЕВАТЫХ

Фото Н. КОЗЛОВСКОГО.

Специальные корреспонденты «Огонька»

Легенда о птице камомэ

Вы видели птицу камомэ? Она летает над морем, прижимаясь к воде. В легенде, известной на всех побережьях Японии, рассказывается:

«Камомэ говорит своим детям: «Нельзя бесконечно летать только в море; выводите своих птенцов на земле, и пусть они летают над сушей». Но рождается новый птенчик на земле — и, как только крылья поднимут его в воздух, все равно улетает он в море».

Так вот и рыбак. Рыбаки хотят приучить своих детей к работе на земле. Но дети рыбаков, подрастая, как их отцы и прадеды, уходят в море, становятся рыбаками. А рыбацкая доля — тяжелая доля. Рыбак ловит рыбу, рискует жизнью, но живет в бедности. Наживается на его труде коммерсант. Он не ходит в море, не подвергает себя опасности, а все богатеет и богатеет. Каждый день, укладываясь спать, рыбак думает о том, что, слава богу, он сегодня последний раз в жизни ходил в море. Но проснулся утром рыбак — семья хочет есть. А пищи нет. Значит, опять идти в море, опять рисковать жизнью. И так из поколения в поколение. Поэтому судьба рыбака очень схожа с судьбой птицы камомэ.

Легенду о птице камомэ и рассказ о судьбе японского рыбака я слышал в марте 1946 года в городке Мисаки, в небольшом домике потомственного рыбака Удагава. Домик этот, маленький, покосившийся, был похож на сотни других, вплотную примкнувших друг к другу. В двух крошечных комнатках, разделенных бумажной ширмой, было полно всякой рыбацкой снасти: веревки, корзины, напоминавшие лукошки сеятеля старой России, корыта, бочонки, багры. Хозяин дома, рослый мужчина лет тридцати, в полувоенной форме, сидел на татами в центре кружка рыбаков, рассказывавших мне о своей жизни. Почти у всех моих собеседников крючковатые, сухие пальцы. Это, видимо, профессиональная особенность: они руками вытягивают из морской пучины переметы, на которых порой бывает по тонне добычи. Тогда я узнал, что рыболовство в городе Мисаки после войны только начинает восстанавливаться. Развивается ближний лов, и лишь редкие моторные боты уходят от берега на двести или триста миль. Все рыбаки объединены в группы. Основа группы — лодка и ее хозяин. Львиная доля улова, как говорил Удагава, начисляется хозяину лодки, а остальное — нищенские крохи — делится между всеми рыбаками. Я спросил своих собеседников:

— Может ли рыбак выйти из группы и самостоятельно ловить рыбу и продавать ее?

За всех ответил хозяин дома Удагава:

— Море создано богом, и человек создан тем же богом. Но у рыбака нет ни лодки, ни инструмента. А купить их можно только через кооператив, состоя в нем. В нашем городке пять тысяч семей рыбаков и ни одного рыбака, промышляющего индивидуально.

Теперь, во второй приезд в Японию, мне хотелось снова побывать в Мисаки. И не только для того, чтобы встретить старых знакомых. Япония — страна островная, значительная часть населения живет на берегах, омываемых проливами, морями и Тихим океаном, более трех миллионов жителей Японии — рыбаки. Что изменилось в жизни рыбаков за последние годы?

Городок Мисаки раскинулся амфитеатром на горах, почти на самой оконечности полуострова Миура, примерно в полуторастах километрах от Токио. Два залива с гранитными берегами врезаются в улицы города, и в домиках рыбаков слышен прибой океанской волны. Напротив залива природа воздвигла естественный волнорез — живописный остров Дзегасима, ограждающий бухту от стихий, разыгрывающихся в океане. Под навесом на железобетонной пристани сортировали, взвешивали и разделывали рыбу, только что выгруженную из трюмов прибывших с лова лодок, шаланд и сейнеров. В глубине навеса, возле огромных холодильников, очищенную рыбу клали в бочки и бочонки, солили и грузили в автомобили. Работа шла споро и бойко, без суеты. Только время от времени, как на аукционе, громко выкрикивали цифры. Это представители коммерческих фирм, скупающих рыбу, называли сегодняшнюю цену на тот или иной сорт.

К гранитным причалам, изогнувшимся подковой, приставали или ждали своей очереди все новые и новые суда, вернувшиеся из дальнего или ближнего похода. Городок Мисаки, его рыбный рынок выглядели сейчас иначе, чем в 1946 году. Узенькие улочки приосанились, много появилось новых домов. В гавани — горячий ритм деловой жизни. Если раньше тут было много маленьких баркасов и даже весельных лодок, то теперь у густо уставленных причалов покачивались белые, с остатками зеленой ленты на бортах сейнеры.

Жизненная необходимость

Вот только что бросил трап сейнер «12 Мейдзи мару». Рыбаки с обветренными лицами, в прорезиненных робах бойко бегут по трапу, бросаясь в объятия ожидавших жен, лаская обступивших их детей. Рыбаки сувениров не привозят. Лучший подарок для семьи — благополучное возвращение. И заработок. Но заработок зависит от случая, от улова.

Меня знакомят с капитаном сейнера Сакоэ Абе. Отдавая последние распоряжения рыбакам, которые уже начали разгружать улов, он приглашает меня на палубу: отсюда ему удобнее наблюдать за работой.

— Сколько дней вы были в плавании? — задаю я первый вопрос.

— Девяносто два дня.

— Значит, вы теперь ходите далеко, не то что одиннадцать лет назад?

— Нужда заставляет, — сухо ответил Абе. — Мы теперь бороздим воды всего Тихого океана, плаваем в Индийском, и наши японские корабли пробираются даже в Атлантику. Рыбы стало меньше. Одна из причин — хищнический лов. Но это не единственная причина. Много гибнет рыбы в районах испытаний ядерного оружия, которые проводят в Тихом океане Америка и Англия. До войны мы брали немало рыбы у острова Бикини. Сейчас я туда не хожу. Напрасно силы тратить и время терять.

На палубу поднялся представитель фирмы, которой принадлежат большие сейнеры, господин Исиваси. Он передает Абе какие-то распоряжения и сам объясняет мне:

— Ходили они девяносто два дня, а добыча не очень богатая. Судов и рыбаков за последние годы стало намного больше. И не только в Японии. Во многих стра-

См. «Огонек» №№ 47, 48, 49.

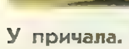
ЯПОНИЯ. МИСАКИ. ПОРТ РЫБАКОВ.

Фото Н. Козловского.

Привезли рыбу.

Подготовка к разгрузке.

У причала.

Хороший улов магуры.

Рыбаки возвращаются домой.

нах. Идет хищнический лов рыбы, особенно мелкой. Это наносит вред. Но, конечно, самый большой вред рыболовству наносят испытания атомного и водородного оружия. Во-первых, в район предполагаемых испытаний долгое время рыбаков просто не пускают. А во-вторых, после испытаний количество рыбы там резко сокращается: она гибнет, а остающаяся не всегда безопасна для употребления.

Капитан Абе, занявшись разгрузкой, забыл о нас. И Исиваси пригласил меня на сейнер «Тосиюки», уже очистивший свои трюмы и собиравшийся в новый рейс.

Молодой крепыш, с лицом цвета отполированной меди, капитан Мураками крепко пожал мне руку и, бросив за борт недокуренную сигарету, пригласил в свою скромную каюту. Минувшим рейсом он ходил в район острова Рождества, где англичане недавно провели серию испытаний ядерного оружия.

— Покачались, покачались мы там и ушли в другой район, — со злостью говорит Мураками. — Обычно мы берем хорошей рыбы по две тонны в день, а тут и тонны не поднимали. А на отдельных экземплярах выловленной рыбы находили следы радиоактивности. Вы поймите меня правильно: я забочусь не только о наших заработках, хотя и они имеют далеко не последнее значение, я думаю обо всем населении нашей страны, для которого рыба — один из главных продуктов питания. Вот поэтому-то мы, рыбаки Мисаки, не раз принимали резолюции с требованием запретить испытания ядерного оружия. Это для нас не только лозунг. Это для нас жизненная необходимость.

Мне были понятны горячность и взволнованность двадцативосьмилетнего капитана. В первые годы после окончания второй мировой войны американцы ограничили радиус действий японских рыбаков зоной в пятьсот миль от берега. Сейчас эти ограничения сняты. Суда уходят на лов в моря и океаны, но те же американцы, а с ними и англичане, уничтожают рыбу экспериментальными взрывами атомных и водородных бомб.

— Я верю, что наш голос, голос японских рыбаков, услышат во всем мире, — прощаясь и крепко пожимая мне руку, сказал Мураками.

Львиная доля и крохи

Я ходил по рыбному рынку и наблюдал, как ловко разделывается рыба магура (едят ее в сыром виде: режут небольшими тоненькими ромбиками и, прежде чем отправить ромбик в рот, обмакивают в соевый сок).

Масахару Хатанака, с которым мы были в Мисаки и весной 1946 года, ушел разыскивать кого-то из знакомых нам рыбаков. Вдруг он появился под навесом с высоким мужчиной в отличном сером костюме, с улыбающимся лицом узбека. Я сразу же узнал своего гостеприимного хозяина в первый приезд в Мисаки. Это был Удагава.

Мы оба обрадовались встрече. Бо́льшую половину дня я провел в обществе Удагавы и его друзей. Вначале мы сидели в небольшой комнате конторы одного из рыбацких кооперативов ближнего лова. Таких объединений в Мисаки несколько. Президентом одного из них был Удагава. Он сидел в кресле у письменного стола, а его помощники расположились у низенького кругленького столика, на который служанка поставила глиняные чашечки с ароматным зеленым чаем.

Кооператив — это объединение рыбаков для сбыта только что привезенного улова рыбы. Тысяча шестьсот рыбаков оказали доверие Удагаве, избрав его своим президентом. Но не все члены кооператива имеют равные права. Только у двухсот рыбаков свои суда разного водоизмещения и оснастки. Тысяча четыреста рыбаков не имеют судов и работают рядовыми матросами.

— Материальное положение рыбаков, конечно, улучшилось, — сообщил мне Удагава. — Доходы стали больше, чем в 1946 году, значит, и еда посытнее и одежда получше. Кораблей у нас стало куда больше, оснастка новая и добротная. Кооператив заботится о рыбаках: мы построили специальный дом, в нем магазины, парикмахерская, комната для развлечений, игр и отдыха. И все же мы недовольны, — повысив голос, продолжал Удагава. — Рыбу добываем мы, рыбаки, а зарабатывают на рыбе коммерсанты.

Для примера мне привели историю с рыбой магура, наиболее распространенной и выгодной для продажи. Кооператив сдает эту рыбу торговым фирмам по восемьдесят тысяч иен за тонну, а до покупателя, например, в Токио, она доходит по цене уже в двести сорок тысяч иен.

— Почему же сам кооператив не организует торговлю рыбой, если не через магазины, то хотя бы через оптовые склады? — спрашиваю я.

— О, это невозможно! — при общем согласии присутствующих говорит Удагава. — У нас нет холодильников, нет транспорта, да и самих складов. Мы все заняты ловом. Фронт нашей деятельности — в море, на воде. На причалах рынка мы расстаемся с уловом. Здесь уже власть и капиталы коммерсантов. Это многовековая традиция, нарушать которую не посмел ни один рыбацкий порт на всех островах Японии.

Удагава хорошо изучил и знает все правила и порядки рыбацкого дела. Недаром он вышел в большие люди: президент кооператива! И не просто президент, а доверенное лицо рыбаков Мисаки, ему не раз поручалось представлять интересы японских рыбаков на международных конференциях. Когда он говорит, сидящие за круглым столиком согласно покачивают головами и дружно вторят ему.

— А как распределяются доходы между рыбаками за проданный улов? — спрашиваю я. — Так же, как прежде: львиную долю хозяину корабля, а крохи рыбакам, работающим на этом корабле?

Удагаве явно не нравятся слова «львиная доля» и «крохи», хотя в 1946 году я услышал их именно у него в доме — тогда Удагава не был еще президентом кооператива и не имел своего рыбачьего судна. Теперь он выражается иначе:

— Каждый получает по достоинству.

Один из собеседников, сидящих за круглым столиком, видимо, бухгалтер кооператива, расшифровывает суть «достоинства»:

— Возьмем для примера корабль водоизмещением в двадцать тонн. Это — среднее судно для ближнего лова. Ежегодный доход группы рыбаков, связанных с этим кораблем, — десять миллионов иен. По существующему у нас правилу, сорок процентов дохода отчисляется хозяину — на содержание и оборудование корабля снастями. А шесть миллионов иен делятся между рыбаками.

Президент рыболовецкого кооператива Кацудзи Удагава.

— Поровну?

— Поровну, но не всем. Капитан корабля, то есть хозяин, получает треть общей суммы.

— Значит, еще два миллиона иен?

— Да. Но остальные делятся уже поровну между всеми рыбаками.

— Сколько рыбаков закреплено за таким кораблем?

— Как правило, двадцать.

Хатанака, записывавший эту беседу в свою журналистскую книжку, на секунду оторвался от нее и удивленно спросил:

— Хозяину корабля из десяти миллионов иен в общей сложности за год начисляется шесть миллионов иен, а четыре миллиона иен делятся между двадцатью рыбаками — по двести тысяч иен на каждого. Так я вас понял?

— Но вы учтите, что корабли быстро изнашиваются, — снова вступил в разговор Удагава. — А новый корабль стоит семь — восемь миллионов иен. Мы тут поступаем по-справедливому.

— Сколько же может служить новый корабль? — спросил я.

— Лет восемь — десять.

Я не стал уточнять смысл своего вопроса. А он был таков: за восемь — десять лет хозяин корабля получает сорок восемь — шестьдесят миллионов иен, корабль же стоит восемь миллионов. Допустим, снасти за этот срок обойдутся еще в десять миллионов иен. И все же хозяину корабля остается тридцать — сорок два миллиона иен, тогда как рыбак, не имеющий корабля, за восемь — десять лет заработает всего 1,6—2 миллиона иен. Вот где «львиная доля» и «крохи»!

Удагава, разумеется, пригласил нас к себе в дом. Это были уже не две комнатушки, заставленные снастями, а жилище, полное достатка. На столе десятки сортов рыбы. По кругу идут пивные бутылки. За столом рыбаки, «выбравшиеся в люди», как и сам Удагава. Кто-то заводит разговор о районах лова.

— У Бикини ловить рыбу опасно, а у берегов Южной Кореи, где мы промышляли всегда, теперь запрещено, — жалуется один.

— Кем запрещено? — любопытствую я.

— Известно кем: хозяйничают там американцы.

— Конечно, сейчас не 1946 год, дела идут лучше, — вступил в беседу буддийский священник Кораи, человек авторитетный в городке, пламенный организатор движения за запрещение атомного и водородного оружия. — И судов много, и район ловли почти неограничен. Но тысячи рыбаков даже в нашем городе живут бедно, едва зарабатывая на скромное пропитание семьи. А ведь люди рискуют жизнью. За то время, пока вы не были, у нас погибло в море больше двухсот рыбаков. Сколько вдов и сирот!

Удагава и его друзья осушили бокалы в память тех, кто погиб в море. Наступила минута томительного молчания. Нарушил ее хозяин дома:

— Помните, в 1946 году мы рассказывали вам легенду о птице камомэ? Жива она, эта легенда, в народе.

«Космополитэн. Валентин Морозов»

Побывали мы еще в одном рыбацком городе, в Ниигате, на западе Японии, на побережье Японского моря, воды которого омывают и нашу советскую землю. Но прежде мне хочется рассказать об одной неожиданной встрече в индустриальном городе Кобэ, раскинувшемся на небольшом плато на берегу Тихого океана. Во время войны Кобэ был разрушен и сожжен почти до основания. А теперь, поднявшись на гору, чем-то напоминающую Ахун в районе Сочи, мы увидели огром-

Капитан сейнера Мураками.

Встреча в русском клубе в Токио.

ный город, прижатый горами к воде. С левой стороны — сплошной ряд дымящихся заводских труб, справа — многоэтажные корпуса жилых кварталов. В город, как кинжалы, вонзаются каналы порта с множеством кораблей и причалов. Вид Кобэ напоминает об индустриальной мощи Японии.

Может быть, на этом и закончилось бы наше пребывание проездом в Кобэ, если бы в торговом районе города мы не обратили внимание на одну вывеску. На стене добротного каменного двухэтажного здания возле широких дверей была прибита дощечка с золотым тиснением на английском языке:

«Космополитэн. Валентин Морозов».

Слово «космополитэн» нас не удивило. Кобэ — портовый город, и здесь больше, чем в других местах Японии, удобно устроились разные фирмы выходцев из Португалии и Бразилии, из Турции и Испании. Но фамилия «Морозов» заинтересовала нас. И мы, руководимые журналистским любопытством, зашли в контору фирмы. Услышав русскую речь в приемной, из кабинета вышел рослый человек лет сорока пяти. Он искренне удивился, что увидел перед собой людей, недавно приехавших из Москвы. Однако в кабинет он нас не пригласил, а, усадив тут же, в приемной, позвал жену, высокую женщину американского типа, с льняными от действия перекиси волосами, острым лицом.

— Познакомься, из самой Москвы, — сказал ей Морозов.

Женщина села рядом с мужем и смотрела на нас с нескрываемым недоверием.

— Вы не родственник известных русских капиталистов Морозовых?

— Нет, только однофамилец. Мы из Симбирска. У папы — он и поныне жив — было там небольшое дело. После революции он эмигрировал. Я был тогда ребенком.

— За все время мы впервые видим русских, приехавших из Советов, — проговорила жена Морозова.

— Из Советского Союза, хотите сказать вы?

— Ну да, ну да! — торопливо протараторила она и добавила: — О жизни вашей страны мы знаем только по газетам.

— По японским?

— Нет, японский язык в нашей семье не изучают. По американским.

— Вы жили в Америке?

— Да, много лет.

— У вас есть дети?

— Двое.

— Они знают родной язык?

— Вы хотите сказать, русский? Нет. Они учатся на английском языке.

Взаимная неприязнь все накалялась. И все же нам удалось узнать, что фирма «Космополитэн. Валентин Морозов» владеет кондитерскими фабриками и несколькими магазинами в разных городах страны.

— Русские конфеты славятся на весь мир, поэтому наши изделия в Японии вне конкуренции, — заверил Валентин Морозов.

— Вы их делаете по рецептам нашей промышленности?

— Что вы! Я пользуюсь рецептами кондитерской промышленности всех стран мира.

— На фабрике и в магазинах у вас работают японцы?

— Да. Более ста человек. Я их учил и учу сам всем производственным процессам.

— Подданство у вас японское?

— Нет, пока мы без подданства. Но привлекает нас американское...

Спекулятивно использующий свою русскую фамилию человек без отечества, эксплуатирующий трудящихся страны, которая приютила его, Валентин Морозов не без умысла дал название своей фирме «Космополитэн».

Домой, в родные места

Неприятное чувство встречи с космополитом Валентином Морозовым преследовало бы меня долго. Но через несколько дней в Токио мы оказались гостями русского клуба.

В клуб мы приехали с опозданием. В первом этаже двухэтажного домика, расположенного в узенькой и плохо освещенной улочке, было шумно. За столами, расставленными буквой «П», сидели пожилые, седеющие и лысые люди с лицами, изборожденными морщинами, и молодежь лет двадцати — двадцати пяти. Они уже произносили тосты за матушку Россию, за нашу славную советскую Родину. На стенах я видел знакомые мне плакаты и стенную газету «Советский гражданин».

Несколько десятков русских и украинцев, не разобравшихся в буревые годы революции и гражданской войны в обстановке, а в ряде случаев обманутых Колчаком и атаманом Семеновым, в разное время, при разных обстоятельствах попали в Японию. У каждого из них своя судьба. Жизнь в Японии налаживалась и устраивалась по-особому. Одни, как говорили, прошли сквозь огонь и воду, работали кем попало и как могли, не раз сидели в тюрьме. Другим фортуна улыбнулась, и они завели небольшие коммерческие дела или стали посредниками в разных фирмах. У каждого из них свой груз провинностей перед Родиной. Но за все тридцать с лишним лет их объединяло одно: тоска по Родине, по России. После окончания второй мировой войны люди, сидящие за этими столами, получили советское гражданство.

Собрались они сегодня по счастливому случаю: семнадцать членов клуба отправляются на Родину: кто в центральные районы России, кто на Украину, кто в Молдавию. Вместе со стариками едут их дети, родившиеся в Японии, обученные русскому языку и нашим песням. Неописуемое счастье лучится в глазах отъезжающих. Радуются за соотечественников те, кто провожает их. Они тоже живут этой согревающей сердце надеждой — вернуться на Родину.

— Русский человек, где бы он ни был, каких бы ошибок перед Родиной ни совершил, но если он честен, он всегда останется русским, советским человеком, — с гордостью говорит седой старик Афанасьев.

Я рассказал ему о Валентине Морозове. Оказывается, Морозова тут знают. Одно упоминание его имени вызвало взрыв возмущения:

— Гнида он!

— В нем не осталось ничего русского!

— Американский прихвостень!

— Космополит без роду, без племени!

Но вот кто-то вольным густым баритоном начинает: «Широка страна моя родная...» И уже все забыли о Морозове. Тихая токийская улочка оглашается песней, идущей от сердца.

Расходились гости из русского клуба поздно, прощались со слезами, троекратно целовались: люди прожили вместе десятилетия, не растворились, не растеряли друг друга, а здесь, в этом клубе, как в своем родном доме, собрались, чтобы быть в одной семье — в семье русских, советских. И вот почти половина уезжает домой. Те, кто через несколько дней вступит на родную землю и поклонится ей, и те, кто остается пока в Японии, произносят на прощание одну и ту же фразу: «До скорого свидания, товарищи!»

В Ниигате

Мы едем в Ниигату, портовый город на берегу Японского моря. Нужно пересечь главный остров Японии, Хонсю, с юга на север. О железнодорожном сообщении в этой стране, о высокой технике и быстроте движения поездов, об отличном обслуживании пассажиров говорят и пишут все, кто путешествует по Японии. Скажем только, что путь от Токио до Ниигаты мы проделали за семь с половиной часов, покрыв расстояние примерно в шестьсот километров.

Два обстоятельства побудили нас поехать в западный город Японии. На корабле «Александр Можайский» возвращалась на родину японская делегация с Шестого Всемирного фестиваля молодежи в Москве. Этим же кораблем отправлялись на Родину семнадцать советских граждан, которых на днях провожали в русском клубе в Токио.

Ниигата — большой портовый город, город рыбаков и рабочих, сохранивший в своем внешнем облике национальный колорит. Поезд пришел в шесть часов утра, а население города было уже на улицах. Бесконечный поток велосипедистов, спешащих из одного конца города в другой — на работу. Медленно вышагивают утомленные рыбаки, вернувшиеся с ночного лова. Открываются ларьки и магазины, которых, как говорят сами ниигатцы, здесь больше, чем покупателей. Климат Ниигаты мягкий, но все же солнце палит изрядно, и многие жители, особенно женщины, ходят в широкополых шляпах, сделанных из рисовой соломы.

Нам было известно, что «Александр Можайский» приходит в порт Ниигату сегодня, и молодежь города, устраивавшая несколько недель назад торжественные проводы своей делегации в Москву, готовится не менее празднично встретить советский корабль, вторично навещающий этот порт.

Но что такое? Утренние газеты сообщают: «Александр Можайский» подойдет к Ниигате в семь часов вечера. Ночь проведет на рейде. В гавань будет введен завтра утром». Навели справку. Сообщение газет подтверждается. Делать нечего, отправляемся на берег Японского моря и окунаем свои бренные тела в его изумрудные волны. Это наслаждение продолжалось бы не один час, если бы мальчишки, кувыркавшиеся на песчаном пляже, не закричали:

— «Мозасски»!

Ребята подпрыгивали и показывали руками на все растущую на волнах белую громаду, показавшуюся с правой стороны от пляжа. Кто-то притащил бинокль. И заведующий консульским отделом советского посольства в Японии Борис Васильевич Безрукавников, глянув через оптический аппарат в сторону белой громады, безапелляционно заявил:

— Он!

Было два часа дня. Мы поспешили в порт. Почему же газеты

сообщили, что «Александр Можайский» войдет в порт только завтра утром? Чтобы сорвать демонстрацию встречи? А может быть, и в самом деле корабль пробудет на рейде до утра?

Вот мы уже и у причалов безлюдного порта. И как раз в это время отдает концы катер с таможенными чиновниками и пограничниками. Они направляются к «Александру Можайскому». Просим взять нас с собой. Следует категорическое «нельзя». Спрашиваем:

— Когда корабль прибудет в порт?

Отвечают:

— Не знаем.

Что за загадка?

Идем к начальнику порта г-ну Ватанабе. Он принимает нас в кабинете очень радушно:

— «Можайский» причалит сегодня часов в семь вечера. Газеты тут что-то напутали или по чьему-то указанию пустили очередную утку. Знаете, у нас есть еще такие люди, которые боятся выражения искренних чувств японского народа к Советской стране. Вот они-то и опасаются демонстрации дружбы при встрече вашего корабля-красавца.

— Часто заходят советские корабли в ваш порт?

— К сожалению, редко. И начали только в этом году. А ведь от нашего порта до Владивостока и Находки самый короткий путь — восемьсот километров.

— Вы заинтересованы в том, чтобы советские корабли были частыми гостями вашей гавани?

— А кто в этом не заинтересован? Все жители города и префектуры Ниигата ждут развития самых широких торговых связей между нашими двумя странами. Нам, японцам, есть что продавать, а вам есть что предложить нашей стране. Но японское правительство медлит. Да и понятно: оно ведь во многих делах связано по рукам и ногам. Мы это знаем. А когда развернется торговля между нашими странами, оживет и порт Ниигата. Люди получат работу. Бойко будут торговать магазины.

Начальник порта подходит к окну. Мы следуем за ним.

— Видите эти стенки причалов? — говорит он. — Они пусты, ни одного корабля. А раньше тут стояли суда Советского Союза, Китая, Кореи. Сама жизнь подсказывает нашему правительству, что надо делать. Полагаю, жизнь возьмет свое.

Но вот подошел к причалу и катер начальника порта. Вместе с нами к «Можайскому» едут японские журналисты, фоторепортеры и кинооператоры.

Через несколько минут мы уже в салоне капитана корабля Гришина.

— Как себя чувствуют ваши пассажиры, японская молодежь? — спрашиваю капитана.

— Превосходно. Настроение бодрое. Всем, что увидели они на фестивале, в Москве и Ленинграде, довольны. Но кое в чем и критикуют нас. Один спросил у меня: «У вас в Советском Союзе женщины имеют больше прав, чем мужчины?» «Почему вы так думаете?» — ответил я вопросом на вопрос. А он как резанет: «В ГУМе продавщицы-женщины кричат на всех покупателей, особенно на мужчин, и даже ругаются». Вот ведь дело-то какое! Не прав ли он, этот молодой японец?

Пока мы беседовали в салоне капитана, к «Можайскому» подошел еще катер, расцвеченный флагами. Люди, стоявшие на катере, размахивали разноцветными плакатами, а репродуктор, прикрепленный к трубе, разносил по воде слова привета участникам фестиваля. Это Японский фестивальный комитет встречал своих посланцев, приехавших из Москвы. Палубы «Можайского» немедленно заполнились участниками фестиваля. Катер, плавно покачиваясь на волнах, держался у самого борта корабля. На катере и на «Можайском» зазвучали песни. Вдруг репродуктор на катере что-то отрывисто произнес, и на корабле все засмеялись, зааплодировали. Нам перевели фразу, услышанную из репродуктора: «Соэ, тебя ждет муж».

Вскоре по направлению к «Можайскому», словно торпедные катера в атаку, ринулись десятки моторных лодок, рыбацких судов. Они уходили в море на ночной лов. Но рыбаки считали своим долгом подойти к «Можайскому» и приветствовать советский корабль на рейде у порта Ниигаты.

Внешне встреча «Можайского» протекала хорошо, но... с катера кто-то из фестивального комитета кричит через репродуктор:

— Завтра в восемь часов утра будем встречать вас у причалов!

Капитан Гришин удивлен:

— Как так завтра?! Мы получили радиограмму. В ней нас торопят, чтобы мы сегодня успели войти в порт. Мы поднажали и пришли на рейд на несколько часов раньше намеченного срока...

Но катер, приветствовавший «Можайского», отправился в порт, а японский штурман, поднявшийся на «Можайского», неожиданно отдал приказ: «Поднимать якорь!»

— Сегодня причалим, — коротко сообщил он.

Все стало ясно. Торжественная встреча японской молодежи, возвращающейся из Москвы с фестиваля, и встреча советского корабля правдами и неправдами была сорвана.

«Можайский» снялся с якоря и двинулся в узкую горловину порта. Это заметили в городе. Немедленно на железобетонные косы, уходящие в море, побежали люди. Заполнились и причалы. Появились знамена. И, конечно, появилась полиция.

Ватанабе — начальник порта Ниигаты.

«Можайский» медленно разворачивается и всей своей громадой идет к стенке причала. На берегу и на корабле радостные восклицания. Возникает песня. Хотя митинг и не состоялся, но эта встреча, простая, искренняя, была взаимно дорога и приехавшим и тем, кто заполнил причалы.

На следующий день с утра около «Можайского» толпились жители Ниигаты. Они приходили сюда пешком, приезжали на велосипедах, долго стояли, любуясь красавцем-кораблем, приветливо махали членам команды, появлявшимся на палубе. К вечеру над головами взметнулись знамена, транспаранты. Репродуктор, укрепленный в автомашине, разносил советские песни. Вот в толпе появляется делегация японской молодежи, плававшая на «Можайском». Руководитель делегации поднимается по трапу и вручает всем членам команды памятные подарки.

Шумит, бурлит, поет причал. Вся команда «Можайского» на палубе. Вместе с ними и семнадцать советских граждан, возвращающихся из Японии на Родину. Они тоже поют. Поют русские песни.

Несколько минут — и «Можайский» начинает отваливать от стенки причала. Но вот на борт летят разноцветные клубочки серпантина. Красные, синие, желтые, голубые, оранжевые... Такие же клубочки летят на причал с палубы корабля. Палуба и причал, точно нитями дружбы, связаны сотнями этих лент. Их мерно колышет ветер. Многие на палубе уже держат в руках по две — три — четыре ленты, потому что на причалах народу куда больше.

Поднят трап, отданы концы. «Можайский» медленно отходит, и разноцветные ленты тянутся за ним, обрываясь одна за другой. Но прочным остается единство сердец, надежда на скорые новые встречи здесь, у причалов Ниигаты.

Один японский юноша, видимо, член молодежной фестивальной делегации, кричит с причала:

— Маруся, до свидания!

И, точно вторя этому крику, на причалах и на палубе корабля тысячи голосов скандируют:

— До свидания, до новых встреч!

Токио — Москва.

Как снимался „Тихий Дон"

Майя МЕРКЕЛЬ

Из дневника второго оператора фильма

Фото автора.

На двери одной из комнат Московской киностудии имени Горького в феврале прошлого года появилась табличка: «Фильм «Тихий Дон», режиссер-постановщик—С. А. Герасимов, оператор—В. А. Рапопорт, директор — Я. И. Светозаров». Это означало, что сценарий трехсерийной картины «Тихий Дон» запущен в производство. Правда, весь съемочный коллектив еще не собран, но работа началась.

Познакомив М. А. Шолохова со сценарным планом будущего фильма, Герасимов целый год работал над литературным сценарием. В романе его больше всего интересовали революционные события на Дону, показанные через судьбу семьи Мелеховых. Этим широким охватом событий нынешний сценарий существенно отличается от сценария первого фильма «Тихий Дон».

Итак, фильм запущен. Теперь приступают к формированию группы. От профессиональной подготовки людей, составляющих съемочный коллектив, зависит во многом судьба картины. Ведь ее создают не только режиссер и оператор и не только актеры, но и художник и композитор, гримеры и костюмеры, реквизиторы, пиротехники, макетчики, бутафоры...

Начинается подбор актеров на главные роли. Для нашего фильма это особенно важная и трудная задача. Необычайная популярность «Тихого Дона», яркие авторские характеристики внешнего облика его героев сделали Григория Мелехова и Аксинью Астахову для многих читателей людьми близкими, почти реальными. Поэтому малейшее несоответствие с шолоховскими описаниями будет тотчас замечено зрителями.

Герасимов хочет, чтобы в фильме участвовало поменьше «звезд» — их появление на экране может вызвать ненужные ассоциации с другими киногероями. Такие же пожелания высказывают и авторы многочисленных писем, которые получает наша группа. «Меня очень беспокоит, — пишет Иван Васильевич Потатуев из Грозненской области, — что образы могут не получиться такими, какими они выглядели в романе и в жизни. Желательно, чтобы роли исполняли малоизвестные артисты, так как если я увижу в роли Григория, например, артистов Дружникова или Кадочникова, то, кроме досады, ничего ощущать не буду».

Предстоит найти восемьдесят актеров на роли (неслыханное для одной картины количество персонажей!) и четыреста — для участия в эпизодах. Предварительный отбор поручен режиссеру Клавдии Ивановне Николаевич. Конечно, в первую очередь взялись за поиски Григория и Аксиньи. Режиссеры-практиканты Института кинематографии, деятельно помогающие нам, разъехались по стране с заданием побывать в театрах, самодеятельных коллективах и клубах многих городов (Ростов, Одесса, Пятигорск, Баку, Куйбышев). Одновременно в тридцать крупнейших театров послали телеграммы с просьбой помочь найти актеров на основные роли. В поиски включились сотни людей — одни по долгу службы, другие просто из личных симпатий к «Тихому Дону».

Никто не помнит, откуда пошел слух, что в одном из ростовских сел живет женщина, удивительно похожая на шолоховскую Аксинью. Обратились к председателю колхоза этого села с просьбой разыскать женщину и сообщить ее адрес. Председатель ответил: «Получив ваше письмо, мы снова перечитали «Тихий Дон». К сожалению, ничем не можем вам помочь, так как ни у нас в колхозе, ни в окрестных хуторах подходящей Аксиньи нет».

С момента начала поисков прошло уже довольно много времени, а «подходящие» Аксинья, Григорий и Дарья все не найдены.

Однажды в группе появилась актриса Элина Быстрицкая. Все внимательно присматриваются к ней: не Аксинья ли?! И когда, переодевшись в костюм казачки, повязавшись белым платочком, она предстала перед режиссером-постановщиком, сомнения отпали — Аксинья найдена!

Теперь остается только разыскать главного героя. Как часто бывает, удача пришла неожиданно. Смотрели кинопробы претендентов на эпизодические роли. На экране — офицер Меркулов. Черные, немного раскосые глаза, острые скулы, но, увы, слегка курносый нос. Это Петр Глебов, артист Московского драматического театра имени Станиславского. Вдруг Сергей Аполлинариевич Герасимов обращается к художнику-гримеру Алексею Сергеевичу Смирнову:

— А не попробовать ли нам загримировать его Григорием?

— Что ж, попробовать можно.

Начались упорные поиски грима. Десятки раз в день ходит Петр Петрович Глебов из гримерной в фотоцех и обратно. Новый грим — новая фотография. Алексей Сергеевич недоволен. Дотошно изучает гример каждую черточку лица актера. Много часов оба просиживают перед зеркалом. И наконец грим найден. Правда, все еще немного «подводит» нос, но искусные руки гримера преодолевают и это препятствие. Теперь уж о Григории-Глебове можно сказать: мелеховская порода «диковато-красивых казаков».

...Режиссер-постановщик, главный оператор и директор картины уезжают утверждать места натурных съемок, предложенные нашим художником Борисом Дмитриевичем Дуленковым.

Еще до окончания работы над сценарием Дуленков направился в Новочеркасск и станицу Вешенскую. Много часов провел он в Новочеркасском музее Войска Донского; встречался с Михаилом Александровичем Шолоховым, знакомился с иллюстрациями ко всем изданиям романа, обстоятельно изучал жизнь и быт казачества. Все это помогло найти интересное решение эскизов, — их было сделано около ста.

Конечно, поиски нового продолжались все время, но именно в предсъемочные месяцы, когда вся картина была мысленно увидена, сыграна и изображена на бумаге, закладывался творческий фундамент фильма.

Вернулась часть группы, ездившая по хуторам Дона и Северного Донца. Место съемок выбрано — хутор Диченск, находящийся вблизи Каменска-Шахтинского. Начинается съемка расширенных кинопроб. Цель их — окончательное выявление возможностей актера.

Утверждены исполнители главных ролей, даже долгожданная Дарья найдена. Правда, актриса Горьковского драматического театра волжанка Людмила Хитяева в категорической форме предупреждает, что научиться плавать она не сможет «ввиду отсутствия способностей и страха перед водой». А ведь без этого в основном эпизоде роли Дарья не сумеет искусно «утонуть». Но это затруднение представляется непреодолимым лишь самой актрисе.

— Ничего, и плавать научитесь,— уверяет режиссер.

Все цеха усиленно готовятся к экспедиции. А там, в Диченске и в Каменске, уже идет большое строительство. Огромное количество стройматериалов и декорационных заготовок (окна, двери, водосточные трубы, бута-

Необычный рысак запряжен сегодня в коляску Листницких — «ГАЗ-69» с установленной на нем кинокамерой.

форский кирпич и камень) отправлено к месту будущих съемок. На натурные декорации израсходовано 23 вагона леса, бревен и теса, 4 тысячи листов фанеры, 2 тонны гвоздей, 1 600 метров плетней и т. д. По площади и числу построек наш натурный комплекс — один из крупнейших в советской кинематографии.

Самая большая декорация — хутор Татарский. Радиофицированный и электрифицированный Диченск, на территории которого «размещен» хутор Татарский, пришлось немного переделать. Все столбы и провода перенесли на другое место, чтобы они не попали в поле зрения кинообъективов. Существующие постройки использовать для съемки не удается, так как они значительно отличаются от «тиходонских». Современные дома с большими окнами и железными крышами ничем не напоминают маленькие, под соломенной крышей курени.

...Наконец вся группа (около ста человек) выехала в экспедицию.

Начинаем, конечно, с генерального смотра «натуры». Диченск стоит на самом берегу реки. В центре его — красивая высокая церковь. Это хорошо «вписавшееся в пейзаж» здание — декорация. Подъезжаем к куреню Мелеховых. Двор пуст, и, пожалуй, лишь это обстоятельство говорит о том, что перед нами создание рук постановщиков, маляров и бутафоров. И все же кто-то шутя спрашивает строителя, заглянувшего во двор: «Вы, случаем, не Мелехов?»

Курени и базы Мелеховых и Астаховых построены на заброшенном пустыре. Обе эти декорации, композиционно очень удачно расположенные на берегу Донца, дают возможность варьировать точки съемки, используя каждый раз живописный фон реки. Не менее интересна и комплексная декорация площади Татарского — майдана. Здесь выстроены лавка и дом Мохова, дом Коршуновых...

В трех километрах от Диченска появилась усадьба Листницких Ягодное — двухэтажный дом с белыми колоннами, богатые службы: конюшня, сараи, хлев. И хотя у всех «фундаментальных» зданий фанерные фасады, новое название так прижилось, что хуторяне стали называть это место Ягодным.

Совершив генеральный смотр «натуры», вернулись в Каменск, где предстояла репетиция эпизода «Драка на мельнице». Снимали около городской мельницы. Для воссоздания обстановки сцены понадобилось всего несколько достроенных навесов, забор и ворота с надписью: «Торговый дом Мохов С. П. и Ателин Е. К.».

Еще не доехав до мельницы, мы заметили странное оживление на улицах: масса людей двигалась в том же направлении, что и наши машины. Оказалось, что причиной волнения каменцев была съемка. Непонятно, как слух о ней мог за одну ночь облететь город. Все окружающие мельницу деревья унизаны мальчишками. Те, кому не хватило места на деревьях, залезли на крыши. Съемочную площадку пришлось огородить веревками. То и дело в толпе слышались вопросы: «А кто из них Герасимов?», «А где Шолохов?». «Да вон тот», — указывает один из толпы на Сергея Аполлинариевича. «Что ты, Шолохов меньше ростом и без усов», — спорит с ним другой. «Ну, мне-то точно известно, какого он роста, — продолжает настаивать парень, — ведь Миша же мой друг». Популярность Шолохова в Каменске, как и в других донских городах, велика, и приписать себе дружбу или родство с ним вовсе не считается ложью.

Эпизод «Отступление» — первая съемка на хуторе. Лошади, арбы, домашний скарб — весь этот живой и мертвый реквизит нам в изобилии поставляют диченские колхозники. Так же как и в городе, на съемку пришло много любопытных. Среди них есть и старые «кинематографисты» — они помнят, как в этих же местах в 30-м году снимался первый «Тихий Дон». Следы его сохранились до сих пор: то увидишь двери, сколоченные из старых досок с полустертой надписью «кино», то на ступеньке лестницы прочтешь: «Тихий Дон».

Ударили первые морозы. Началась перепутавшая все наши планы ранняя зима. Весь день в Ягодном ждем погоду: эпизод, который здесь снимается, осенний. Ловим солнечные минуты, а они то и дело сменяются снегопадом. Посиневших от холода актеров до самого момента съемок держат в теплом помещении, чтобы цвет лиц под гримом и скованность речи не выдали присутствие нежданной зимы.

Снег усилился. Стало очевидно, что доснять «осень» в Ягодном не удастся, и мы занялись зимними сценами.

Снимаем кадр из сцены «Арба». В ней рассказывается о поездке Григория и Натальи в Красный Лог. Они ночуют в степи, в арбе, а наутро, проснувшись, оказываются засыпанными снегом.

Неслыханное совпадение — снимаем «Первый снег» действительно во время первого снега! Но не успевает прозвучать команда «мотор!», как начинается ливень. Снег мгновенно тает. Оператор дает команду «пересидеть» дождь и работу не прекращать. Григорий и Наталья, лежащие в арбе, с надеждой смотрят на небо. Тулупы, которыми они накрыты, постепенно намокают. Но актеры — народ привычный к трудностям: раз решено ждать снега, ждут. Между тем дождь усиливается; уже трудно поверить, что час назад кругом было бело. Изредка из-под тулупов доносится робкое:

— Чего же мы ждем?

— Вот сейчас вас засыплет снегом, и начнем снимать, — твердит вымокший до нитки Рапопорт. Но погоду перехитрить не удается. Бесславно возвращаемся домой.

Все планы летят в трубу. Снег сменяется дождем, дождь — солнцем.

Снова Григорий и Наталья лежат в арбе, а группа, теперь уже не дожидаясь милостей от природы, собирает лопатами остатки снега и посыпает им актеров. Энтузиазм так велик, что на голове Григория вместо легкой пороши целый сугроб. Гример Смирнов с ужасом смотрит на эту операцию: что-то будет с гримом? Отснят один дубль. Снова перерыв для сбора снега. С земли подобраны буквально все снежинки. Актеры стоически выдержали шесть дублей — эпизод был доснят.

Снежный душ не прошел даром — заболел Глебов. Занимаемся теми немногими кадрами, в которых нет Мелехова.

Дуняшка тащит по базу теленка, — кажется, пустяковый кадр, но сколько времени и нервов потрачено на него! В момент наилучшего освещения теленок заартачился и не захотел сдвинуться с места. Не помогали ни крики Рапопорта «уходит небо», ни усилия актрисы Архангельской-Дуняшки. Даже предложенный Герасимовым, по его словам, безотказный способ — крутить теленку хвост — результатов не дал. Съемка состоялась лишь после замены «исполнителя».

Приступаем к массовым сценам. К сложностям творческим прибавились организационные: массовку в двести — триста человек надо одеть, загримировать. Все это требует не только времени, но и рук. Наш рабочий день беспредельно увеличивается.

Снимаем «Новочеркасский вокзал» — приезд Подтелкова, Кривошлыкова и Лагутина для переговоров с Калединым.

Перрон запружен разношерстной толпой: здесь представители столичного «света», бежавшие на Дон, чиновники, казачьи офицеры, гимназисты. Найти типажи для такой массовки оказалось делом нелегким.

Решили использовать внутренние ресурсы — взялись за киногруппу. Заместитель директора превратился в титулованную особу из высшей знати. «Аристократию» представляли почти все цехи: здесь были и помощники режиссера, и гримерша, и администраторы.

Задолго до приезда в Каменск было решено снимать все железнодорожные эпизоды в одном месте. К заброшенному незаконченному зданию депо пристроили вокзал, пятидесятиметровый перрон и водокачку. Из Воронежа были присланы старые паровозы с товарными и пассажирскими вагонами. Все это создает впечатление крупного железнодорожного узла, а расположение зданий обеспечивает возможность снимать три самостоятельные натурные декорации.

Начали широко привлекать к съемкам население хутора и окрестных деревень. Среди ди-

Людмила Хитяева в перерыве между съемками.

Аксинье нелегко угодить господам Листницким: необходима практика.

ченцев оказалось немало способных актеров. Организован казачий хор, который поедет в Москву для участия в павильонных съемках. Постепенно группа обрастает своеобразным «штатом» массовщиков, они снимаются во многих натурных эпизодах и прочно занимают свои места в картине.

В многолетней режиссерской практике Герасимова не было еще картины, где бы в таком масштабе использовались непрофессионалы.

Местные «актеры» поражали добросовестностью. Бывали случаи, когда снимающиеся на заднем плане хуторяне, хотя их фактически почти не было видно, так входили в роль, что даже придумывали себе по ходу действия текст. Иногда во время съемки они подсказывали актерам какие-то очень тонкие штрихи поведения героев. К хуторским консультантам по костюмам и быту прибегала вся группа.

Фактически главную роль в картине играют местные жители. Из них создается казачество хутора Татарского. Неповторимый аромат их песен, плясок, говора не только оживил материал фильма, но и очень помог актерам. Общение с казаками дало им то неуловимое, сугубо донское, о чем нельзя было узнать из книг. Плавность походки, манера разговора, искусство повязывать платок — все это они впитывали изо дня в день.

Вскоре стали ловить себя на том, что и в повседневной речи употребляют казачий диалект. Трудно стало говорить «еще», само собой получалось «ишо»; вместо «разговаривать» — «гутарить».

В течение дня погода меняется с такой быстротой, что не успеваем снять при одном и том же освещении и одного эпизода целиком. Начинаем при пасмурной погоде; выглянувшее солнце заставляет переделывать кадр. Вдруг — снег, и вот возникает уже третий световой вариант. Это особенно неудобно при работе над длинными по метражу и сложными по действию сценами, например, такими, как «Избиение Листницкого».

Сцена настолько тяжела для исполнителей, что пересъемка почти невозможна. Ведь правдивость этого куска в первую очередь зависит от того, насколько естественно будет выглядеть избиение. Игорю Дмитриеву, несмотря на защитные приспособления, приходилось нелегко: плетка Григория часто доставала и до незащищенных мест.

Снова работу осложняют непредвиденные обстоятельства. «Киноснег» оказался слишком легким — малейший ветерок поднимал в воздух тучи белой пыли, которая слепила глаза, попадала в рот, вызывая нестерпимый кашель.

Съемка эпизода продолжалась несколько дней. Дмитриев ходил побитый, но творчески вполне удовлетворенный. Синяки и шрамы «оправдали» себя — сцена получилась убедительной и сильной.

На съемке эпизода «Привоз убитых в Красном Логе» (2-я серия).

Началась подготовка к батальным сценам. Лошадей для них нам дали колхозы района. Часть актеров вместе с колхозниками перешла на казарменное положение. Ежедневные многочасовые тренировки под руководством военного консультанта картины генерал-лейтенанта Николая Сергеевича Осликовского скоро дали результаты. Выработалась настоящая посадка, актеры научились рубить шашкой, колоть пикой, скакать галопом. Во время занятий их теперь уже трудно было отличить от настоящих казаков. А Глебов своими успехами в верховой езде удивлял самого Осликовского.

Предстоящие баталии требовали мобилизации сил всей группы. Подготовили динамит, дымовые шашки, патроны, снаряды. Строились блиндажи, подтягивалась артиллерия. За несколько дней до съемки устроили репетицию — главный оператор с пиротехниками приехал на «поле боя» и полностью «разыграл» предстоящее сражение: уточнил места взрывов, расположение артбатарей, наметил направление атаки.

Выехали ранним морозным утром. Пока подвезли технику, перебросили массовку, группа совершенно преобразила съемочную площадку. По полю разбросали перевернутые брички, взорванные походные кухни, вырванные с корнем деревья, манекены трупов, — говоря кинематографическим языком, «обжили» пейзаж.

Подъехала конница. В первой шеренге все наши герои: Григорий и Петр Мелеховы, Прохор Зыков, Степан Астахов, Христоня, Митька Коршунов. Только теперь, глядя на Глебова, замечаешь, как он изменился за время съемок: подтянулся, стал стройнее, похудевшее обветренное лицо приобрело несвойственное Петру Петровичу выражение суровости, даже дикости.

В помощь Осликовскому прибыла группа военных. Началась подготовка к генеральной репетиции. Надо добиться точного взаимодействия со съемочной камерой пехоты, кавалерии, пиротехнического хозяйства. Все приходит в движение по выстрелу ракетницы. Однако, несмотря на договоренность и сигнализацию, вначале получается не так, как надо. Десятки взрывов происходят вне поля зрения объектива, дым шашек застилает группу основных героев, мастер трюков — цирковой актер Петр Тимофеев — падает «убитым» совсем не на том месте, которое указано оператором.

Но постепенно все наладилось. Кони и люди привыкли к боевой обстановке, «понюхали пороху». Канонада уже никого не беспокоит.

Наконец началась съемка. «Пики к бою, шашки вон!» — командует Осликовский. Первая атака. Автомашина со съемочной камерой стремительно движется за несущейся с гиком и свистом казачьей сотней. Земля гудит от взрывов. Перед объективом с перекошенными лицами проносятся Григорий и Степан. Вот на полном скаку падает навзничь лошадь, всадник, перелетев через ее голову, неподвижно распластался на земле. «Стоп!» — первый дубль снят.

Трюки, которые проделывали наездники-профессионалы, очень сложны, поэтому на съемках этих сцен обычно работали сразу три камеры, находившиеся в разных точках. Случались иногда и незапланированные «номера». Во время одной атаки плохо рассчитанный взрыв произошел у ног коня Тимофеева. Испуганное животное шарахнулось в сторону и сшибло рядом идущего коня. Всадник оказался на земле. Сзади галопом с шашками наголо летит сотня. Она уже в десяти — пятнадцати метрах. Боясь быть затоптанным, упавший вскакивает на ноги, но тут же падает, «сраженный» криком режиссера Генриха Оганесяна: «Умирай!» Камера продолжает работать, кони проносятся мимо аппарата. «Трюк» опасный, но зато снят интереснейший кадр.

Съемки фронта продолжаются. Холод такой, что замерзают моторы у камер, их приходится отогревать в кабинах машин. Сами во время перерывов сидим у костров.

Отсняты общие планы атаки, и мы переходим к крупным планам героев. Снимать приходится с параллельно движущейся машины, двумя камерами. Рапопорт стоит в кузове со стационарной камерой, а меня с ручным аппаратом привязывают веревкой к крылу переднего колеса. Идем со скоростью 60—70 километров в час. Рядом во весь опор скачут кони. Необычное положение у Глебова: размахивая шашкой, он сидит на приделанном к борту машины деревянном коне и мчится вместе с нами. Так был снят крупный план лица Григория на фоне атакующей сотни.

После съемки гримеры бережно укладывают свое хозяйство. Одна из молоденьких гримерш так усердствует, что пытается сорвать настоящие усы.

— Это мой! — кричит казак, которого она схватила за ус.

«Война» окончена. Она обошлась без жертв, если не считать двух случайно подпаленных конских хвостов и страшной усталости всей группы.

Вот-вот вскроется Донец. Торопимся снять финал фильма — возвращение Григория на хутор и встречу с сыном Мишаткой. Операторский кран установили прямо на реке. Со страхом наблюдаем за просвечивающейся изподо льда водой. Недаром в расписании в графе «что готовить к съемке» сказано: «Спасательный круг, веревку, два запасных костюма для Григория». Глебов должен пересечь по льду Донец и подойти к проруби, пробитой перед камерой. Осторожно обходя подозрительные места, Петр Петрович внешне спокойно проделывает этот путь несколько раз.

Первый кадр снят благополучно. Перейти к съемке остальных не можем: еще не выбран «актер» на роль Мишатки. Ведь надо, чтобы у мальчика были не только какие-то актерские данные, но хотя бы некоторое сходство с малышом, играющим Мишатку в более раннем возрасте.

Режиссеру представляют целый отряд «Мишаток». Все они при знакомстве величают себя по имени и отчеству. Остановились на четырехлетнем Сергее Александровиче и пятилетнем Валерии Ивановиче.

Первый, узнав, что его заставят твердить наизусть какие-то «бессмысленые» фразы, несмотря на слезные уговоры матери, на вопрос режиссера: «Ты можешь повторить эти слова?» — лукаво улыбнулся и категорически заявил: «Нет!»

Валерия Ивановича сначала что-то еще интересовало, но уже на следующий день, скороговоркой пробормотав текст, он старался убежать, горячо при этом доказывая Герасимову, что у некоего Кольки «это получится лучше».

Но репетиция продолжалась.

— Ну, Валерик, говори свои слова, — обратился к нему Сергей Аполлинариевич.

— Так вы вперед свои скажите! — ответил Валерик (на репетиции режиссер играл Григория).

Диалог между Григорием и Мишаткой выглядел так:

— Что, тетя Дуня здорова?

— Тетка Дуня померла... Фу ты, да не померла, а здорова...

Все труды не увенчались успехом: актер из Валерика так и не получился.

Окончание следует.

С. МАРШАК

ИЗ ВИЛЬЯМА БЛЕЙКА

СМЕЮЩАЯСЯ ПЕСНЯ

В час, когда пиства шелестит, смеясь,
И смеется ключ, меж камней змеясь,
И смеемся, даль взбудоражив, мы,
И со смехом шлют нам ответ холмы,

И смеется рожь и хмепьной ячмень,
И кузнечик рад хохотать весь день,
И вдали звучит, словно гомон птиц,
«Ха-ха-ха! Ха-ха!» — звонкий смех девиц,

А в тени ветвей стол накрыт для всех
И, смеясь, трещит меж зубов орех, —
В этот час приди, не боясь греха,
Посмеяться всласть: «Хо-хо-хо! Ха-ха!»

ЧЕРНЫЙ МАЛЬЧИК

Мне жизнь в пустыне мать моя дала.
И черен я — одна душа бела.
Английский мапьчик бел, как ясный день,
Но черен я, как темной ночи тень.

Учила мать под деревом меня
И, прерывая ласками урок,
В сияньи раннем пламенного дня
Мне говорила, глядя на восток:

— Взгляни на солнце. Там наш бог живет
И озаряет мир своим огнем.
Траве, цветам и людям он дает
Блаженство утром и отраду днем.

Мы на земле живем, чтоб взор привык
К лучам пюбви, к сиянию небес.
И это тепо, этот черный лик
Всего лишь тучка иль тенистый лес.

Когда глазам не страшен будет день,
Растает тучка. Скажет он: — Пора!
Покиньте, дети, лиственную сень,
Резвитесь здесь, у моего шатра!

Так говорила часто мать моя.
Английский мапьчик, слушай, если ты
Из белой тучки выпорхнешь, а я
Освобожусь от этой черноты,

Я заслоню тебя от зноя дня
И буду гладить золотую прядь,
Когда, привыкнув к зареву огня,
Со мною рядом будешь отдыхать.

ЭПИГРАММЫ

Снег

Зимою увидел я снежную гладь,
И снег попросил я со мной поиграть.
Играя, растаял в руках моих снег...
Теперь мне Зима говорит: — Это грех!

Летучая радость

Кто удержит радость силою,
Жизнь погубит пегкокрылую.
На лету целуй ее —
Утро вечности твое!

Разговор с духовником

— Мой сын, смирению учитесь у овец!
— Боюсь, что стричь меня вы будете, отец!

Отдых от любви

Семь семилетий на костре сгорая,
Мечтал я отдохнуть в аду от рая.

Искательница успеха

Вся ее жизнь эпиграммой была —
Гибкой, тугой, блестящей,
Сплетенной для ловпи похвап без числа
Посредством петпи скопьзящей.

Блейк, которого сегодня представляет читателям «Огонька» С. Я. Маршак,— это на редкость своеобразный английский поэт — искатель истины, неистовый бунтарь.

Вильям Блейк жил в период промышленного развития Англии, когда все более остро обнажались социальные несправедливости, нищета и унижения неимущих. Профессия гравера не всегда обеспечивала самому Блейку возможность сводить концы с концами, но он больше был занят заботой о счастье всех людей.

Бороться Блейк мог прежде всего как поэт, но у него не было средств, чтобы платить издателям, и он сам гравировал рисунки к своим книгам.

В ту пору народные движения в Англии были еще тесно связаны с религией, под знаменем которой победила революция XVII века, и Блейк облекал свои социальные утопии в религиозные формы. Смятенный непонятными ему, но возмущавшими его буржуазными отношениями, Блейк обращался к верованиям прошлого, к библии, однако помыслы поэта были устремлены к будущему.

Блейк метался от одной крайности к другой. Вначале он думал отвернуться от зла и описал жизнь в «Песнях невинности» (1789) безмятежной, какой она рисуется наивному ребенку. Затем, как бы желая исправить односторонность «Песен невинности», поэт создал горькие «Песни опыта» (1794).

Ободренный Французской революцией, Блейк стал с надеждой смотреть на будущее. Считая, что «тигры гнева мудрее, чем клячи наставления», он воспевал титанические силы разрушения, порождаемые старым обществом и несущие возмездие этому обществу.

Блейк мыслил в гигантских масштабах, и в его изображении борьба добра и зла заполняла целую вселенную. Поэт писал «Пророческие книги» — поэмы, в которых он не побоялся создать нечто вроде собственной мифологии. Такая задача, посильная для коллективного гения народа, не могла быть решена поэтом. Придуманные Блейком мифологические персонажи остались во многом безжизненными. Не помогло и то, что Блейк, бывший не только поэтом, но и художником, иллюстрировал свои книги, воплощая свои видения в причудливые образы. Трудно представить себе поэмы более странные, чем «Пророческие книги», нуждающиеся в комментариях, превосходящих по объему самый текст.

Среди «Пророческих книг» выделяются мятежные поэмы «Бракосочетание Неба и Ада» и «Вечносущее Евангелие», в котором сам Христос изображен как строгий и преданный людям бунтарь. И в других «Пророческих книгах» Блейк выступает глубоким мыслителем. Задумав продолжить дело великого английского поэта XVII в. Мильтона и, иной раз довольно наивно подправляя его, Блейк ставит новые важные проблемы. Бунтарь в душе, он не может примириться с мыслью, что сатана был наказан за мятеж против бога. Поэт наделяет духа зла чертами английских политиков: сатана ненавистен ему за то, что он прикидывается братом страдающих и до того захлебывается ханжеством, что сам готов уверовать в свою братскую любовь к людям, а на деле тираннт и убивает их.

Озлобленный на современную ему английскую буржуазную действительность, Блейк порой вообще отрицал существование мира и призывал верить одному только воображению. Но со свойственной ему непоследовательностью, он то и дело забывал свои мудрствования и воспевал красоту мира, пробужденного «весенней песней соловья»...

Свое «царство справедливости» Блейк собирался строить не на небесах, а «в Англии — зеленой и веселой стране». Он клялся, что «меч не уснет в его руке», пока этого не удастся добиться. Любя свой народ и веря, что англичане будут передовыми борцами за справедливость, Блейк предсказывал, что «царство справедливости» распространится на все народы; и нации, как дружные семьи, разделят горе и радости друг друга: Германия будет думать о нуждах Франции и Италии; Англия — о нуждах Америки (против которой Англия недавно вела несправедливую колониальную войну). Блейк был против угнетения народов; он вдохновенно изображает, как «с золотого ложа, словно человек, разбуженный от глубокого сна, восстала Индия...»

Не оцененный и быстро забытый современниками, подвергавшийся в период упадка буржуазной культуры фантастическим кривотолкованиям как праотец символистов, мятежный поэт постепенно находит путь к сердцу народов. Всемирный Совет Мира призвал все прогрессивное человечество отметить 200-летие со дня рождения Вильяма Блейка.

С. Я. Маршак, который с такой полнотой раскрыл советскому читателю великого современника Блейка — Бернса, в публикуемых переводах показывает, что у Блейка была хватка настоящего народного певца — шутливого и язвительного, разделяющего заботы простых людей и умеющего звонко посмеяться вместе с ними.

Н. БАЛАШОВ

Благополучный конец

На одном из водохранилищ Канала имени Москвы собралось более ста рыболовов. Было открытие зимнего рыболовного сезона. Лед, схваченный первым морозцем, звонко пел от ударов наших пешней. Рыболовы расположились у берега. Уже в каких-нибудь пятидесяти метрах от берега лед подозрительно похрустывал и «пускал» разноцветного «петуха». На клев никто в этот день не жаловался. Перед каждым, будто на хрустальном блюде, лежало по нескольку рыбешек.

И вдруг откуда ни возьмись на льду появился здоровенный русак. Будто кто его сбросил с горы. Рыболовы дружно крикнули. Зверек на секунду замер, посидел столбиком, потом пустился к противоположному берегу. Сделав несколько стремительных прыжков, заяц падал, по инерции катился по льду, затем вскакивал на ноги и снова мчался. Кажется, еще несколько прыжков — и он на берегу. А там и лес.

Но до нашего слуха доносится дружный крик рыболовов, которые расселись у противоположного берега.

Заяц повернул обратно и снова несется в нашу сторону. Он все ближе и ближе.

— Ах-ха-ха-а!.. — раздались дружные голоса. Вверх полетели шапки, рукавицы.

Заяц хотел затормозить. Было слышно, как чиркнули по льду его острые когти. Но беглец не удержался на ногах, упал на бок и чуть не угодил в лунку одного из рыболовов. Вскочив, он снова запрыгал к противоположному берегу.

На четвертом или на пятом рейсе наш заяц куда-то исчез. Мы поняли: стряслась с нашим зайцем беда.

— Утонул! — грустно произнес кто-то.— Ледок-то, как паутинка. Зря травили.

Всем стало как-то неловко. Никто не следил за поплавками удочек, никто не возился с блеснами. Все смотрели на центр реки.

— Эй,— закричали вдруг,— смотрите, косой!

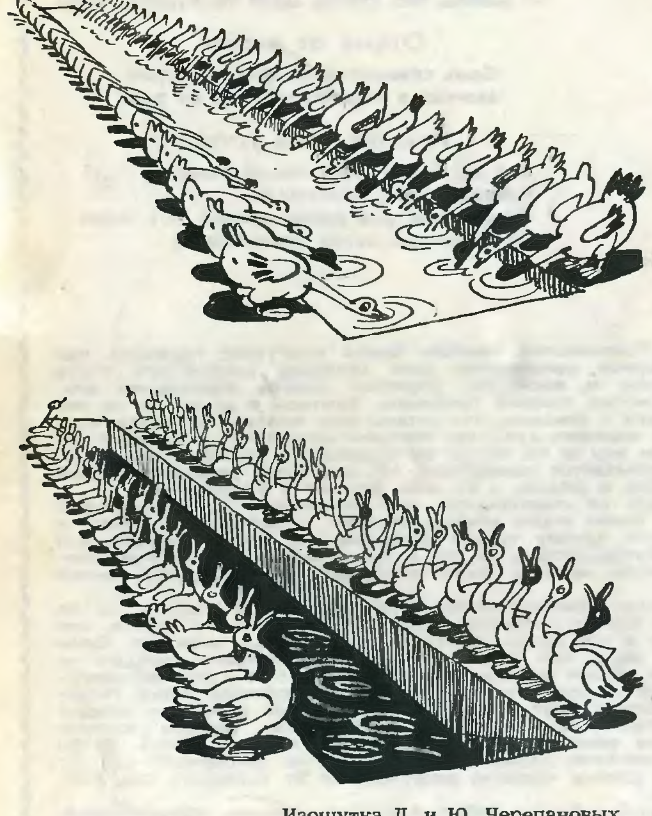
Вот он, наш знакомец. Сидит на льду, видимо, приходит в себя после «ванны» и решает сложную задачу, куда бы теперь бежать. И принял смелое решение, выбрав направление прямо на поселок, раскинувшийся по берегу водоема.

Рыболовы противоположного берега, мимо которых пробегал заяц, на этот раз не издали ни единого звука, никто не махнул рукой, никто не посмел сорвать с головы шапку.

Заяц беспрепятственно добрался до берега, вскочил на гору и исчез за строениями.

С. МИНАЕВ

ОДИН ГЛОТОК...

Изошутка Л. и Ю. Черепановых.

«ДЕРЕВО ДРУЖБЫ»

На страницах «Огонька» уже рассказывалось о «дереве-саде» в селекционном саду Сочинской опытной станции субтропических культур. Итальянские лимоны, американские грейпфруты, китайские и японские мандарины растут на нем вперемежку с новыми сортами и гибридами цитрусовых — всего двадцать пять разных сортов и видов.

Сейчас создано второе, еще более оригинальное «дерево-сад». Оно имеет десять различных корневых систем, десять стволов, а крона состоит из восемнадцати сортов и видов цитрусовых. На дереве проделаны сложные подземные прививки. Корни одного растения соединены с корнями другого, и, таким образом, сложная корневая система создает замкнутый круг.

Профессор Белградского университета Ружица Главинич, ознакомившись с работами Сочинской опытной станции, попросила разрешить ей в знак содружества советских и югославских ученых сделать прививку на «дереве-саде». Профессор привила ветку нового сорта мандарина — «Краснодарский № 83». Ветка хорошо прижилась, сейчас на ней уже зреют золотисто-оранжевые плоды.

Произвели подобные прививки молодые китайские ученые Ли Цзи-ген, Сюнь Юнь-тень и Тао Бинь-янь, болгарский ученый директор Казанлыкской опытной станции эфиромасличных культур Василий Стайков, румын аспирант Гена Николис, инструментальщики одного из уральских заводов супруги Цветковы, три биолога из Вьетнама и другие. Гости из Вьетнама предложили называть оригинальное растение «деревом дружбы».

Пока в кроне дерева есть еще свободные «квартиры»-веточки, разрешение на вселение туда могут получить новые зеленые жильцы.

Ф. ЗОРИН

Прививку делает китайский ученый Тао Бинь-янь.
Фото Н. Харичкина.

На вкладках этого номера репродукции картин В. Серова «Декрет о мире» и «Декрет о земле», Кукрыниксов «Последний выход Керенского», Г. Нисского «Перед Москвой» и четыре страницы цветных фотографий.

РЕПИНСКОЕ БЛЮДО

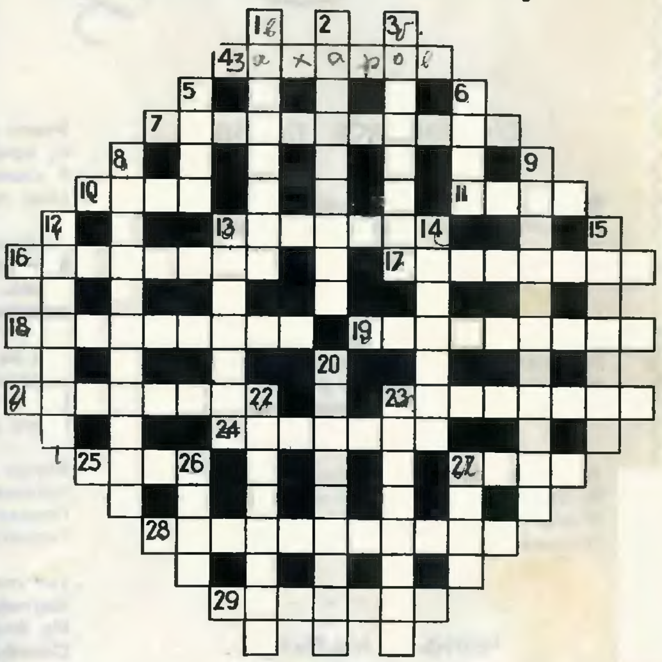
«А мы все керамикой занимаемся, пишем на лаве и на блюдах»,— сообщал И. Е. Репин в одном из писем В. В. Стасову в феврале 1876 года из Парижа.

Редкий образец расписного блюда работы знаменитого русского художника хранится в Нижне-Тагильском музее изобразительных искусств. Роспись изображает молодую женщину восточного типа. Блюдо окаймлено цветочным орнаментом, а в верхней его части — надпись арабской вязью. Внизу латинскими буквами написано: «Париж». Затем следуют подпись художника и дата — 1876 год.

Как известно, находясь в Париже с 1873 по 1876 год, Репин испытывал материальные затруднения. Чтобы поправить дела, он в 1875—1876 годы в компании с художниками Поленовым, Савицким, Дмитриевым, Оренбургским и Боголюбовым занялся в Париже керамикой. Они образовали «общество пишущих на лаве» и сняли даже для этой цели специальное помещение.

А. ГРИГОРЬЕВ

КРОССВОРД

По горизонтали:

4. Русский архитектор XVIII века. 7. Совокупность доводов. 10. Зрительное ощущение света. 11. Восточное кушанье. 12. Английский писатель XIX века. 16. Разрушение металла. 17. Ряд военных действий, объединенных одной целью. 18. Сушеная слива. 19. Человек, ведущий запись исторических событий. 21. Машина, род велосипеда. 23. Союзная республика. 24. Русская народная сказка. 25. Вид упражнения в шахматах. 27. Персонаж пьесы М. Горького «На дне». 28. Цирковой артист. 29. Сосуд для переливания и фильтрования жидкостей.

По вертикали:

1. Видоизменение музыкальной темы. 2. Советский химик, академик. 3. Произведение М. Ю. Лермонтова. 5. Кондитерское изделие. 6. Полевое укрытие. 8. Твердое убеждение. 9. Коробка для растений, собираемых во время экскурсий. 12. Специалист сельского хозяйства 13. Местный говор. 14. Небесное тело, обращающееся вокруг планеты. 15. Сплав, обладающий большим электрическим сопротивлением. 20. Советский композитор. 22. Словарь. 23. Договор, соглашение. 26. Часть музыкального инструмента. 27. Герой романа А. Толстого.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 49

По горизонтали:

5. Романюк. 7. Балобан. 9. Юмор. 10. Профессия. 11. Иота. 14. Ситец. 17. Блеск. 18. Косинус. 19. Астроботаника. 20. Фабрика. 21. Посол. 22. Итака. 26. «Труд». 28. Факсимиле. 29. Овёс. 30. Либерия. 31. Задание.

По вертикали:

1. Космос. 2. Кадр. 3. Гобн. 4. Лахтак. 6. Кюри. 7. Бриг. 8. Лексикография. 12. Герасимов. 13. Плацкарта. 15. Волопас. 16. «Русалка». 21. Персик. 23. Алёхин. 24. «Баня». 25. Шлюз. 27. Диез. 29. Опак.

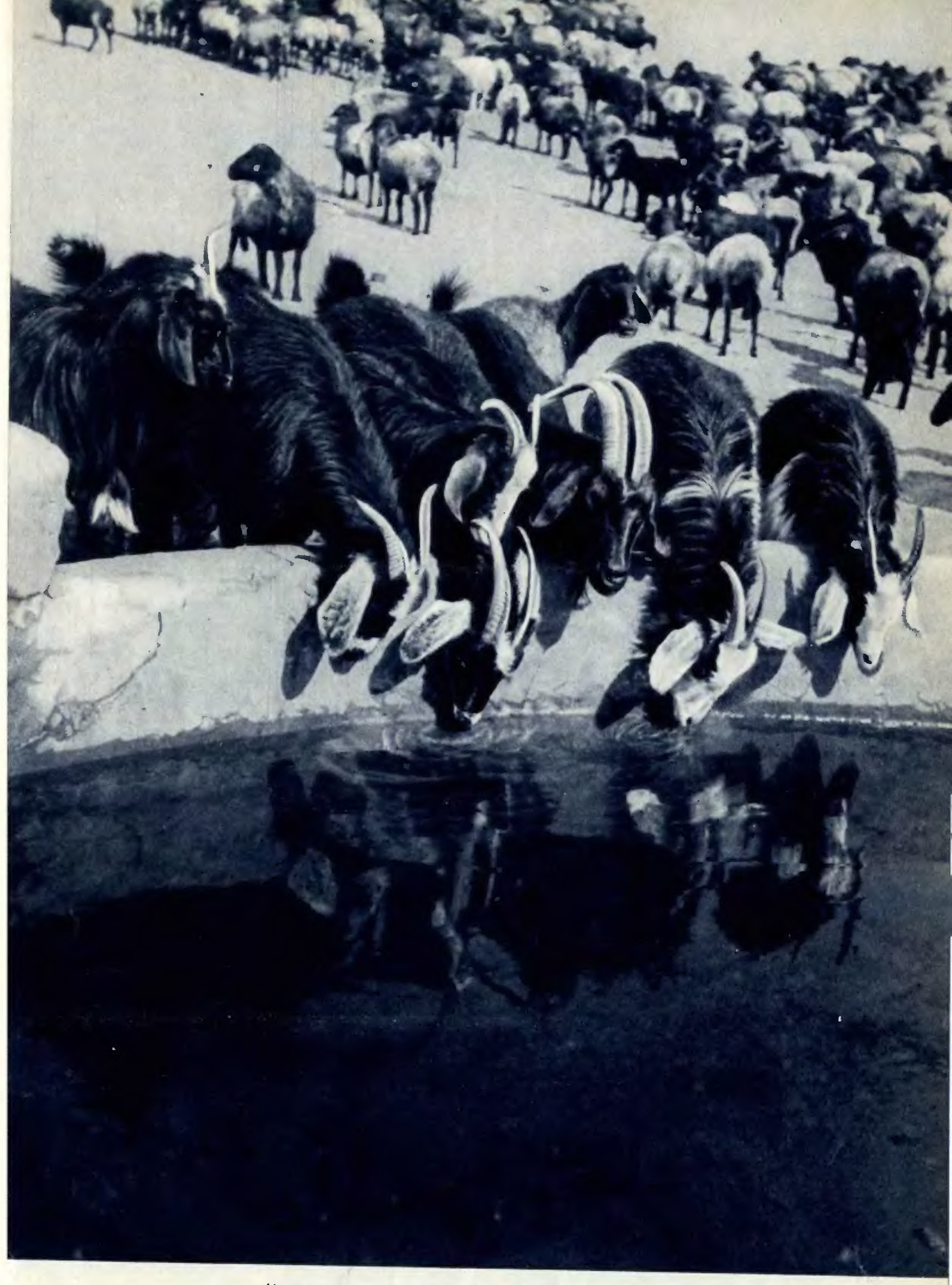
Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, Н. Н. КРУЖКОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, Е. Н. ЛОГИНОВА, Т. З. СЕМУШКИН, И. А. УРАЗОВ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление И. Уразова.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 3-38-67; Литературы — Д 3-31-83; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-65; Юмора и сатиры — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 10430. Подписано к печати 4/XII 1957 г. Формат бум. 70×108¹/₈. 2,5 бум. л.—6,85 печ. л. Тираж 1 200 000. Изд. № 1290. Заказ № 2999.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

На водопое в песках Каракумов. Туркменская ССР.

Фото М. Савина.

Цена номера 3 руб.